

Новогодний
спецвыпуск.
Прощай, 2001!
С надеждой -
в год 2002!

ЧЕРЕМШАН

Литературно-художественный и краеведческий журнал

В ЭТОМ НОМЕРЕ С ВАМИ ВСТРЕЧАЮТСЯ:

Александр СЛИЖЕВИЧ	■ 6
Геннадий ГЕНЕРАЛЕНКО	■ 14
Вячеслав ПЕРВУШИН	■ 24
Павел МЕДВЕДЕВ	33
Виктор СЫСУЕВ	■
Иван ПИМЯКОВ	
Людмила АРТЕМОВА	
Андрей ГРИГОРЬЕВ	
Павел СЛЮНЯЕВ	
Иван ПОНОМАРЕВ	■ 43
Евгений ЛАРИН	■ 47
Владимир ПЧЕЛИНЦЕВ	■ 93

ЧЕРЕМШАН

Литературно-художественный
и краеведческий журнал
Димитровградской администрации
и Димитровградского отделения
Союза писателей России

2001 г.

(Издается с сентября 1998 года)

Елена. В образе христовой невесты.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С.Морозов, глава Димитровграда

Н.Прохорова, директор краеведческого музея

В.Гордеев, член Союза писателей России,

сопредседатель писательского отделения

Е.Ларин, член Союза писателей России, сопредседатель писательского отделения

А.Никонов, член Союза писателей России, член Совета писательского отделения

С.Слюняев, член Совета писательского отделения

Л.Степанова, член Совета писательского отделения

В.Дюжий, член Союза журналистов России,

руководитель пресс-службы главы города

Главный редактор: Валерий ГОРДЕЕВ.

Компьютерный дизайн: И.Карачкова.

Редакция извещает о том, что с согласия авторов их произведения временно публикуются на безгонорарной основе.

Рисунки:

Н.Плотникова, Г.Генераленко

© «Черемшан» 2001

Материалы журнала «Черемшан» размещены на страницах тольяттинского сервера в Интернете: «Toline». На сайте: www.catalog.toline.ru.

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107. Телефон: 3-11-50.

Сдано в набор 3.12.01. Подписано в печать 12.12.01. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 6,0. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 7633.

Цена свободная. Отпечатано в Димитровградской гортипографии, 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

И дай вам Бог счастья!

Под покровом ночи звездной
Дремлет русское село,
Всю дорогу, все тропинки
Белым снегом замело...
Кое-где огни по окнам
Словно звездочки горят.
На огонь бежит сугробом
Со звездой толпа ребят.
Под оконцами стучатся,
"Рождество твое" поют,
"Христославь! Христославь!" -
Раздается там и тут.
И в нестройном детском хоре
Так таинственна, чиста,
Так отрадна весть святая
О рождении Христа.

Это строки из рождественского стихотворения нашего земляка, поэта, энциклопедиста, редактора и соученика В.И. Ульянова по Симбирской гимназии - Аполлона Коринфского, как нельзя лучше символизируют наиболее любимый народами России праздник - Новый год. И вот уже третий - в третьем тысячелетии - встречаем мы этот зимний праздник счастья и надежд в нашей провинциальной глубинке, в краю девственных русских елей и сосен - символов Нового года...

Митрополит Сурожский Антоний провозглашал в своей проповеди:

"Вступим в Новый год с чувством ответственности и вдохновения; вступим в этот Новый год с верой, что Сила Божия в немощи совершается: в нашей немощи, как совершилась она в немощи святых, которые были крепки только силой Божией; будем верить, что все нам возможно в укрепляющем нас Господе Иисусе..."

И это звучит пророчески! Касается каждого из нас. И, естественно, городской писательской организации, редакции журнала "Черемшан", всех его читателей, всего просвещения. ТРОП-

ческой интеллигенции. Ибо в году уходящем финансовая немощь наша была, как никогда обнажена местными властями. Немощь всей культуры и литературы нашего города. А значит что-то (и очень многое) безвозвратно было утеряно в укреплении духовности общества. По чьей вине или беде, а может быть слабоумию? Не время, и не место выяснять эти вопросы в канун самого чтимого, святого и радостного праздника надежд - Нового года.

И мы с надеждой говорим: нам в Новом году предстоят многие и долгожданные встречи, посредством писательской трибуны - "Черемшана" - с новыми произведениями димитровградских литераторов, с нашими читателями, любящими и хранящими Русское Слово, с новыми именами в местной литературе, которых, Слава Богу, становится все больше!

И, несмотря на противодействие духовному развитию городского сообщества, наша литература крепнет и развивается. Тому примеры: выпуски спецномеров "Черемшана", выход в свет книг В.Паршина, А.Осипова, В.Манухина, И.Шепилова, книжные выступления А.Милюшова, Е.Ларина, А.Беловой, А.Никонова, Н.Алиевой, Ф.Касимова, В.Первушина, Д.Алиевой, Г.Генераленко, Е.Сорри, Л.Степановой, А.Гарипова, И.Сергеевой, Е.Парфеновой... И все это сквозь игнорирование властей, "родных" депутатов, сквозь неприятие и антидуховность, - как прорыв собственными силами, словно луч света и образованности, глубокомыслия. К людям. К землякам. К их сердцам и душам.

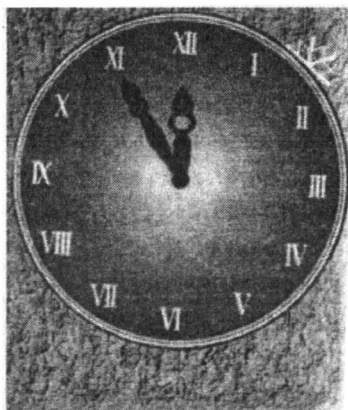
Новый год, верим, несет нам новые радости, удачи, встречи в мире русского Слова и Разума. Его фейерверки и наносная лакированность, которыми прикрываются душевные потемки и массовая разнузданность любых популистов, всего лишь наносная пыль в глаза нашим соратникам и духовно высоким согражданам. Настоящая творческая интеллигенция верит не новогодней елочной конфетке в яркой обертке, а настоящему делу: упорному, трудному, но неуклонно - поступательному. "Черемшан" и черемшанцы, вопреки злословию, что наша работа - это "окопный вариант", - выходит из окопов! Мы выдержали прошедшим годом труднейшую оборону в окопах нашей

русской словесности и духовности. Мы выходим в год Новый из своих оборонительных редутов в открытый бой с бездуховностью и манкуртизмом. Да свершатся дела и чаяния наши, братья и сестры! Во имя светоча знаний и веры. Во имя нашего будущего. Во имя семени нашего и Отечества завещанного нам предками!

Верим и надеемся, желаем, чтобы в строю наших единомышленников укрепился и Глава града нашего, Боголюбое чадо, за которого отдавали мы глас свой с верой и надеждой, как в Новый год и Рождество Христово - Сергей Морозов - надежда и опора земли Причеремшанской...

С Праздником Рождества Христова и Новым годом, всех нас, мелекесцев, с пожеланием счастья и благополучия в грядущем Лете, всем нам - творяне!

Редколлегия "Черемшана"

«Александр Слижевич — простой русский мужик с польской фамилией, которая в переводе звучит, как “Леденцов” (не иначе, граф, сосланный после польского восстания). Корни расстреляли (Барнаул, 1937 год), но слова обладают необъяснимой силой, и мальчик, родившийся на Волге в 1957 году, получил от родни по материнской линии (до замужества Пушкина) кличку «Сибирь» (в интерпретациях “Сибирская морда” и т.п.). Возможно, это явилось основной причиной, что в 20 лет Слижевич оказался не просто в Сибири, а на самом ее краю, на Таймыре, да еще в качестве рыбака-охотника...»

Так пишет о себе наш земляк и очень талантливый поэт Александр Слижевич. Многие димитровградцы знакомы не только с творчеством Александра, но и с ним самим, так как в конце 70-х он был частым гостем на страницах городской и районной газет. Учился в димитровградской школе. Работал в НИИАРе.

Сегодняшняя подборка Саши на страницах нашего журнала — это поистине новогодний подарок из «Страны Лапландии» — далекого заполярного края, где в верховьях Енисея на одном из островов огромного озера живет северный рыбак Слижевич вместе с семьей... А также на этом Цветочном острове постигает философию жизни и мудрость поэзии настоящий писатель Александр Слижевич. Участник трех поэтических сборников, предоставивший новые стихи к Новому году димитровградским читателям.

Александр СЛИЖЕВИЧ

НЕЗЛЫЕ ЦВЕТЫ

ДИКИЙ КОНЬ

Я стреножен и опутан.
В первый раз стянули люто
ноги звонкие мои.
Неизведанное чувство,
ограниченного буйства,
остывающей крови.
Дрожь под кожей от испуга,
край сияющего луга
за предательством жердей.
От обиды и от боли
жажда стонущего поля,
жажда солнечных степей!...

Мерным шагом

годы, годы
стёрли то, что было свято.
От соцветия свободы
только привкус дикой мяты.

МЕЛЬНИК

Вышел мельник белым Богом,
закурил до облаков,
прислонился пыльным боком
к сытой тяжести мешков.

Перемолот хлеб и норы,
перемолот хлад и зной,
и село, и дальний город –
перемолот путь земной.

Перемалет синий вечер
пламя красного зерна,
остановятся навечно,
онемеют жернова.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Постой, земля!
Останови колеса.
Давай сойдем с асфальта на траву,
потрогаем пшеничные колосья –
я их сто лет не видел наяву.
Мы наверстаем время и дороги,
мы перейдем пределы скоростей!
Ну, а пока, пусть ссорятся сороки,
и пусть скрипит устало коростель.
Мне слишком долго птицы не скрипели.
Скрипели нарты, люди и полы,
и плакали скрипичные метели
над замыслами северной поры.
Но, заедая спирт скрипучим снегом,
я клялся, что когда-нибудь вернусь
в богатую и птицами, и хлебом
июлями натопленную Русь.
Не торопи,

пусть сердце на пороге
не разобьет шальная карусель.
Пусть, как соседки, ссорятся сороки,
скрипит, как дверь, уставший коростель...

* * *

Ах, бабушка! В сетях твоих морщин
улыбки тысячи мужчин,
и женщин тонкие улыбки,
они, как маленькие рыбки,
играют в заводи лица...
Напоминая про отца,
ты говоришь мне – все от Бога!
И я киваю – все от Бога.
Лишь бы прошла твоя тревога,
что я не верю ни во что...
О чем ты, бабушка, о чем?
Ах, я не знаю, что почем,
давно все цены перепутал,
давно все меры перемерил,
теперь один, как сивый мерин,
дурной качаю головой...
Ах, смейся, бабушка! Ах, смейся,
в твоих улыбках столько сил,
когда б души не износил...
Но всей оставшеюся волей,
во все оставшееся сердце
я всю оставшуюся нежность
оставлю здесь.

* * *

Я вернусь. Обязательно. Ждите! –
напишу и, конечно, порву.
Я по паспорту северный житель,
а душою на Волге живу,
и брожу по сосновому храму,
воздух светел, целительно чист,
время дует на старую рану,
сердце ровно и ясно стучит.
Тропы памяти выются, как жилы,

то блуждая, то просто темня,
по ладони судьбы покружили
и на берег выводят меня.
Хор прибоя обрушился вольно,
благозвучен и многоголос,
голова затуманилась болью
от заржавленных крючьев волос...

...Однажды среди ночи проснешься
и необъяснимо поймешь,
что ты никуда не вернешься,
а в этой квартире умрешь.

ПОЭТЫ И ГУСАРЫ

Куртизанки с гитарами,
кудри над эполетами,
пьют поэты с гусарами,
а гусары с поэтами.

Жизнь богата победами,
канделябры пожарами,
пьют гусары с поэтами,
а поэты с гусарами.

Пунш пылает над чарами
голубыми рассветами,
пьют поэты с гусарами,
а гусары с поэтами.

По тому ли, по этому
умирали не старыми
все гусары – поэтами,
а поэты – гусарами.

* * *

Спит женщина.

Она совсем другая,
ни тени в ней дневного торжества,
когда она глумясь или играя

возносится до роли божества.
Спит женщина.
Уставшая, земная,
спокойная, как белое белье.
Спит женщина, не ведая, не зная,
что я молюсь ночами на нее.

* * *

В керосиновой лампе дышит ровное пламя,
над избушкой дует синий северный ветер,
пахнет чайным листом и сырыми углами,
прошлогоднею рыбой пахнут старые сети.

В заполярной тайге устаревшая линия связи,
покосились столбы, провода-оборванцы гремят,
где невольные люди тащились по снегу и грязи
только старые кедры о чем-то угрюмо шумят.

Отрицали богов. В простоте сотворили кумира.
Вездесущий портрет хоть на мелкие клочья порви.
Невозможно забыть кипяченую горечь чифира,
обжигающий вкус до сих пор у потомков в крови.

Сколько ветхих лачуг догнивает по трассам страданий,
неуемным бродягам даруя останки чужого тепла,
ненашедшим себя в лабиринтах ухоженных зданий,
в многограннике века ненашедшим прямого угла.

Я один из таких. Деда в тридцать седьмом расстреляли.
Эта пуля навывлет прошла отца и меня.
Неизвестно какие мы судьбы тогда потеряли
И какого лишились родового огня.

Враг народа. Единственный внук и наследник.
Где счастливый народ победивший такого врага?
Заморожено все. Не страна – покосившийся ледник.
И по-прежнему жизнь не красива и не дорога.

*И опять надвигается красно-коричневый топот
серп и молот не прочь осенить православным крестом.
Не научит толпу никакой исторический опыт
перевесит оратор с открыто взыскующим ртом.*

*Ах, зачем тебе это... Политика грязное дело.
От несвежей газеты безудержно клонит на сон.
На обшарпанных нарах раскинь утомленное тело,
завтра снова на лыжи...охота...сезон...*

*В керосиновой лампе дышит ровное пламя,
над избушкой дует синий северный ветер.
Кедры мимо идут и гремят до утра кандалами,
ни избы, ни меня на забытой дороге не встретив.*

** * **

*Давай с тобою согреем,
пока совсем не постарели,
нарушим правила, режим,
сбежим туда, где менестрели
на струны, клавиши, лады
кладут нервические пальцы,
и где запретные плоды
рвут и кусают постояльцы.
Пусть все – химера и обман,
животворящий дар природы.
Пришла любовь. Держи карман,
и да размножатся народы!*

НОВОГОДНИЕ ОТКРЫТКИ

*

*С Новым Годом, мама! С Новым Годом.
Ты прости, открытку теребя,
что, предрасположенный к невгодам,
я не смог порадовать тебя
ни карьерой, ни благополучьем,
не могу приехать десять лет!
Ты прости, и голосом певучим
-С Новым Годом...-выдохни в ответ.*

*

*С Новым Годом, папа! С новым снегом.
Пусть опять добавит седины,
хорошо, что хлебом и ночлегом
мы покамест не обделены.
Пожелаю крепости и силы,
долгих лет – живи еще, отец!
Сколько всюду девушек красивых!
Есть еще рыбалка, наконец...*

*

*С Новым Годом, сестра! С новым взглядом.
Ты одна у меня в том селе,
где когда-то мы выросли рядом,
а потом разбредлись по земле.
Не забыл ни села я , ни крова,
не оставил, унес на себе.
Улыбнись, как тогда. Будь здорова!
Счастья в личной и общей судьбе!*

*

*С Новым Годом, друг мой! С новым миром.
Изменились люди и страна.*

*Родина смеется над кумиром,
будто кровью губы не она
мазала проклятому... Поднимем
старые бокалы с тем, что есть.
За веселых! – Бог сегодня с ними.
С нами бедность прежняя и честь.*

*С Новым Годом, жена! И со старым
мужем, бытованием, жильем.
Обновясь с двенадцатым ударом,
может быть еще и поживем.
Опьяняясь запахом и словом
в нежные объятия пльви.
С Новым Годом, милая, и с новым
Возрождением страсти и любви.*

*С Новым Годом, дочки! С новым смехом.
Разные, как пальцы пятерни,
все вы с одинаковым успехом
в сердце зажигаете огни.
Пусть потом естественно и просто
увлекут большие города,
не забудьте про Цветочный Остров,
он вас не забудет никогда.*

*С Новым Годом, сын мой! С Новым Веком!
Целиком, нетронутый – бери,
только будь серьезным человеком,
поиграв, другому подари.
Да не ослепит тебя удача,
не сразит какой-нибудь недуг.
Долгий век для радости и плача
сгоряча не вырони из рук.*

Девушка на

**Геннадий
ГЕНЕРАЛЕНКО**

открытом воздухе

Президент всех россиян задумчиво смотрел в окно. За длинным столом молча ждали облеченные властными полномочиями члены президентского совета и прочие министры без таковых.

Первому, кто откроет рот, придется сказать что нибудь дельное. Множество вариантов уже было обдуманно и отброшено за негодностью. Конечно, выборы президента выиграны, соперники растоптаны, но какой ценой... Недовольство в стране и на Западе мешают осуществлению грандиозных замыслов. За непопулярные действия приходится платить. Иногда цена слишком велика. Впрочем, в России никто никогда не смотрит на ценник, если вещь очень нравится.

Высшая власть не игрушка и если распоряжаться ею правильно, можно извлечь некоторую пользу. Тем более, в очередной переломный момент истории. Тем более, если физическое выживание клана зависит от правильных действий одного человека.

Первым не выдержал министр иностранных дел:

- Нужно имидж улучшить. Ваш персонально. Для Запада это важно. Там думают: бывший в локальных конфликтах, темное прошлое, тиран... Дать знак, мол страна меняется, пришел культурный человек, мы за порядок и прекрасные, так сказать общечеловеческие ценности.

За столом оживились.

- Искусство должно...

- Клинтон на саксафоне играл, не помогло.

- Может, лучше спорт?

- Не пойдет, потребуются капитальные вложения, спортивные победы, нужно быстро.

- Может книгу издать? Новое мышление в современном мире.

- Ага, Малая Земля, Возрождение, Целина.

Президент уже принял свое стратегическое решение и когда все затихли он сказал негромко:

- Я буду писать картины . Все .

Советники оценили решение.

Плюс были в этой комбинации.

Президент был не разговорчив, а свои картины он объяснять не обязан.

Стилей и направлений в живописи столько много, что любую его мазню легко будет направить в какое нибудь магистральное русло современного искусства или найти аналог в мировом искусстве: дело одной секунды.

Президент не отличается богатырским здоровьем, так что пусть лучше сидит в теплой мастерской, чем скачет по корту или по футбольному полю.

Западной интеллигенции это понравится.

Затрат не нужно. Холст, краски, кисти, рамы для одного художника - все это просто смешно в финансовом плане. А моральные плюсы могут улучшить отношения.

Выставки могут экспонироваться в разных местах по требованию момента.

Минусов в данном предприятии не было и секретарь первого лица государства уже стал отдавать необходимые распоряжения своему аппарату.

Вечером того же дня Президент уже осматривал свою мастерскую. Место где предполагалось создавать шедевры мирового значения располагалось там же в Кремле, этажом ниже от его рабочего кабинета. Огромные окна, вид из окна - все это было выше похвал. Большой дубовый мольберт, стол на котором в идеальном порядке были разложены согласно цветовой гаммы краски фирм «Каран-де-Аш» и «Ньютон», кисти от первого номера до двадцать четвертого. Мاستихины поблескивали своей хирургической сталью. На краю стола стояли разбавители и еще какие-то неопознанные пузырьки с прозрачными жидкостями. Палитры различного размера ждали, когда их девственно чистая поверхность примет на себя первые пятна масла.

На мольберте стоял белоснежный испанский холст из чистого льна. Метр-на восемьдесят, этот размер посчитали самым удобным для фигуры президента. Еще десяток холстов в упаковочной пленке стояли у стены. Затейливый шкаф красного дерева был полон книг по теории и практике живописи. Книги о худож-

никах стояли столь плотно, что достать книгу можно было только приложив некоторое усилие.

- Чисто магазин, - одобрительно буркнул президент советнику. Тот хотел что-то ответить, но не успел. За письменным столом приготовленным для занятий графикой зазвонил телефон.

- Убрать, будет отвлекать от работы.

Советник кивнул головой, согласившись с авторитетным мнением. Он уважал президента за умение делать неожиданные ходы и теперь думал, как извлечь финансовую пользу из неожиданного хобби своего босса. То, что деньги можно извлекать даже из воздуха, советник понял во втором классе средней школы. Он тогда водил своих одноклассников смотреть коллекцию пивных банок своего папаши ответственного дипломатического работника. За посещение этого новоявленного музея он брал деньги, не большие, но все же. Папа-дипломат, вдоволь насмеявшись, забрал половину денег себе, долго и витиевато мотивируя необходимость делиться.

Президент снял пиджак и повесил его на спинку стула. Засунул рукова рубашки, взял деловито один мастихин, посмотрел на него, положил на место. Взял другой и удовлетворенно вздохнув подошел к холсту. Президент смотрел на чистый холст словно пытаясь его загипнотизировать. Наверное, сеанс гипноза удался, потому через минуту президент попятился к столу. Машинально и, как позже оказалось безошибочно, взял в руки тюбик темного ультрамарина.

- С богом!

Президент выдавил из тюбика немного краски на лезвие мастихина и провел широкую полосу по подобно непаханному снежному полю холста. Мягкий звук соприкоснувшегося инструмента и холста дошел до слуха Советника. Советник внимательно прислушался и решил остаться в кабинете до особых распоряжений. Стараясь не шуметь он открыл дверцы шкафа и потянул на себя книгу. Усевшись на кресло начал тихонько перевертывать страницы альбома посвященного Эгону Шиле.

Рука Президента уже чуть вспотела от волнения и ручка мастихина вдруг легла в руку на удивление удобно. Мастихин был послушен и летал без принуждения замазывая то густо, то тонким слоем. Иногда президент брал в руки кисть и проводил по глубоко бездонному ультрамарину то резкие и коротко белые, то тонкие и длинные бирюзовые линии.

Холст стремительно превращался в картину и президент уже пару раз отходил на несколько метров, чтобы посмотреть на дело рук своих. Внезапно он положил свое орудие и посмотрел на свои руки. Пальцы были перемазаны краской, а в мас-

терской стоял тонкий и благородный запах дорогих масляных красок и дивного итальянского растворителя. Пальцы тоже инструмент - и президент потер указательным пальцем по сырой краске, смягчая как ему показалось, невыразительность перехода тонов и добиваясь плавного течения линии куда-то за край холста.

- Савелий, вели чаю. Только покрепче и сахара пару кусочков положи.

Советник молча поднялся и быстро вышел за дверь. Подавать чай не входило в его обязанности, но президент никогда не называл его по имени. Он вообще никого не называл по имени. Это был добрый знак потепления и Савелий не был намерен подвергать испытаниям чахлый росток устанавливающихся отношений.

Вернувшись, Савелий принес поднос с пузатым чайником и двумя стаканами в серебрянных подстаканниках. Президент сидел напротив своей картины и пристально смотрел в те самые краски которые он накладывал быстро и без особого стеснения. Как впрочем, все что он делал раньше.

- Ну как - спросил Савелия и самого себя президент. Савелий поставил поднос и начал обозревать полотно.

Абстрактные пятна рождали в советнике смутное чувство. Нет, его явно задевала эта мешанина красок. Савелий в далекие студенческие годы пару месяцев работал дворником в Пушкинском музее и весь его посмотрел. В следствии чего был знаком с Матиссом, Гогеном, Вламинком, Дереном, Ван дон Геном и прочими западными полотнами начала прошлого века.

- Мне нравится, напоминает это Кельнский собор, - неуверенно сказал Савелий.

Поездка на саммит в Кельн состоялась совсем недавно и президент выходил около собора на несколько минут. Вечер был чудесен и солнце освещало последними своими лучами готические шпили. Русская делегация задержалась всего на несколько минут, но как оказалось этого было достаточно.

Одобрительно посмотрев на советника президент налил чай себе и Савелию.

- А это и есть собор. День какой был... - президент замолчал. Лучше промолчать подумал Савелий и оказался как всегда прав.

Вечером того же дня президент после тяжелого разговора с премьер-министром Великобритании задумчиво тер нос. Семья оставила его наедине со своими мыслями. Момент размышлений требовал сосредоточенности и, выпив рюмку коньяка, президент сел у камина и стал наблюдать за языками пламени. Савелий в это позднее время беседовал с популярной те-

леведущей и редактором иллюстрированного журнала. Машина изготовления общественного мнения закрутилась.

Утром картина в золоченном дубовом багете была представлена президентскому совету.

- Мазута какая-то, - первым высказал свое мнение директор «Экспортвооружения».

Президент ничего не ответил, только поставил авторучкой на запястье маленький крестик или плюсик, как кому больше нравится.

- Нормально. - военный министр хоть и был военным, но его меньшая дочь от второго брака училась в Суриковском институте. Папа был несколько раз почетным гостем на выставках в институте, посему шокировать искусством его было невозможно.

Министр внутренних дел всех времен и народов одобрительно кивнул головой. Поддержка силовиков президента не осталась незамеченной остальными членами совета.

- Замечательное произведение современного направления экспрессионизма - сказал министр просвещения, гордый тем, что его впервые позвали на президентский совет.

При слове экспрессионизм министр нефтегазовой отрасли отодвинулся от министра просвещения. Савелий толкнул газовика незаметно локтем в бок. Остальные сочли свои выступления нерациональными.

- Теперь о положении на границе с Финляндией. Докладчик министр внутренних дел... - президент продолжил ведение заседания.

Через несколько часов после этого заседания директор «Экспортвооружения» угрюмо паковал чемодан, имея предписание вступить в должность посла в Бразилии. Где расположена эта латиноамериканская страна он знал, но имел о ней самое смутное представление.

После встречи с представителями государственной думы президент, захватив с собой Савелия, министра обороны и министра просвещения выехал в Центральный Дом Художника, что на Крымском Валу.

Телевидение уже стояло наготове и директор ЦДХ ждал на ступеньках высокого гостя. Президент тепло поздоровался и директор повел по своему хозяйству. Реалистичное искусство, изображающее лужу и летний пейзаж, президента не интересовало вовсе. Президент спросил о положении дел в искусствах и пообещал помочь с финансированием. В одном из залов он остановился и рассматривал графику и живописные работы с видимым удовольствием.

Особенно ему приглянулся лист графики исчерканный быстрыми росчерками пера. «Девушка на открытом воздухе».

мешательство черной туши на кремовой бумаге, видимо запали в сердце президента.

- Приобрести, художника ко мне, к семи часам. - бросил президент военному министру и тот взял под козырек.

- Сколько с нас? - спросил Савелий заглядывая в свое портмоне. Он поднял свои глаза на директора и грозно сдвинул брови.

- Ничего, это подарок. - просипел директор, быстро прикинув свой убыток или доход.

- Спасибо, - быстро согласился Савелий и передал работу министру просвещения который делал многозначительный вид.

Иван Туров сидел в московской мастерской своих друзей и мирно пил кефир. Его очередная выставка проходила ни шатко, ни валко. Что-то продавалось по мелочи, люди писали добрые отзывы в книгу. Пресса уделила его скромной персоне не слишком много внимания и это считалось нормальным явлением. Все как обычно.

В дверь постучали и открыли ее без приглашения. Майор и двое мужчин в штатском, оглядев помещение и Ивана, задали уточняющий вопрос:

- Туров?

Иван, удивленный прибывшими гостями, согласился со своей фамилией.

- Быстро оденьте чистую одежду и в машину.

- Это еще куда? Не поеду. Чего надо? Сижу тихонько...

- Туров, без вопросов. Все для вашего блага.

Иван понял, что в случае сопротивления ему в лучшем случае набьют морду, а в худшем хрен его знает... Он не стал упрямиться и быстро сменил рубашку. Причесав длинные волосы и глубоко вздохнув, Туров закрыл мастерскую на ключ, размышляя взять ключ с собой или бросить его под дверь...

Процессия отправилась к не слишком чистой «Волге». Иван сел на заднее сидение, его провожатые сели по бокам, майор увалился на водительское место и машина резко рванула в центр столицы.

Президент всех россиян занимался живописью - это был новый холст в красножелтых тонах. Савелий тихо сидел в углу и перелистывал очередной альбом немецких авангардистов, когда в мастерскую вошел министр внутренних дел.

- Зачем моего сослал в Тьмутараканию?

- Болтает много, торопится, деньги ворует, вас называл сукиным сыном, - из угла явственно произнес Савелий.

Президент повернулся резко и в упор посмотрел на министра:

- Болтает много, деньги ворует, тебя называл сукиным сыном.

Министр метнул гневный взгляд на Савелия и спросил уже мягче:

- Так я нового человечка поищу, из оборонки.
- Поищи, голуба. Хочешь посмотреть картинку или завтра зайдешь?
- Завтра лучше... - министр развернулся и ушел хлопнув дверью.
- Савелий, пришли-ка ко мне Доракина. После сеанса, в кабинет.

Президент взял самую тонкую кисточку и нанес на почти готовый холст тонкую волнистую линию чистого белого цвета.

Министр внутренних дел прибыв к себе в управление наорал на дежурного и закрылся со своим заместителем, вывезенным не так давно из Тюмени. О чем они беседовали осталось неизвестным, но зам звонил в Тюмень и ближайшим рейсом в Москву вылетели два короткостриженных офицера.

Иван Туров, увидев, что машина подъезжает к Кремлю, успокоился. Через некоторое время его провели в мастерскую и представили президенту.

- Хорошая работа, сочно написано, оригинально, твердая рука и цвет подобран мощно - по профессиональной привычке, прищурившись Иван подошел к первому холсту. - Кто писал? Масло еще свежее.

- Моя работа, - президент, получив похвалу, скупно улыбнулся.

- Не может быть, - Иван не был готов к такому повороту событий.

- Может. Я хотел бы просить Вас дать мне несколько уроков. Пастель, акварель, тушь - все это довольно занятно и требует на первом этапе наблюдения специалиста. Надеюсь немного времени найдется для скромного ученика, - для президента эта речь была слишком велика.

- Если можете писать такие полотна, чему учиться? Да и педагог из меня не важный, - Иван развел руками.

- Всегда есть чему поучиться. У Вас я видел дивные графические работы...

Савелий шел по длинному коридору Кремля, когда на повороте он чуть не столкнулся с министром внутренних дел.

- Савелий, слушай дружок, скоро у президента день рождения, чтобы ему подарить, чтоб в масть - остановил его вопросом министр.

- Я думаю картину или графику хорошего мастера.
- А что ему нравится? купишь, чего-нибудь не то...
- Любимая его картина «Девушка на открытом воздухе». Пошли покажу.

Они прошли к мастерской и Савелий из шкафа достал альбом австрийского художника Густава Климта. Полистав его он раскрыл на нужной странице и сунул в руки министру.

- Вот «Girl open air». Девушка на открытом воздухе.

- Я возьму книгу на время?

- Возьмите, возьмите, пригодится.

- Частная коллекция. Грац. Холст, масло, 24х32, не большая.

Это проще, - министр в задумчивости пошел по коридору, унося подмышкой альбом о жизни и творчестве основателя Сцессииона и героя австрийского модерна.

Из рапорта службы подслушивания министру подтвердили мнение Савелия. Любимое произведение президента - «Девушка на открытом воздухе». В Австрию вылетела группа специалистов на конгресс полицейских. Ее возглавил заместитель министра внутренних дел. Сам министр долго сидел над открытым досье президента, размышляя где он мог научиться так ловко рисовать и почему, сей на первый взгляд, малозначительный факт прошел мимо людей, собиравших материал на первых лиц государства.

Он никогда не узнает, что первой любовью президента была девушка, посещавшая детскую художественную школу небольшого шахтерского городка. Будущий президент любил просто смотреть как она рисует на открытом воздухе. Иногда он брал в руки чистую беличью кисть и начитал ею гладить девушку по лицу и шее, спускаясь к грудям и забираясь кисточкой подмышки, пока его возлюбленная не начинала отбиваться от щекотки. Задыхаясь от смеха они падали в траву. Далекое время. Девушка на открытом воздухе...

Уже гремела пресса о новом даровании президента. Были скептики и восторженные почитатели. Состоялась небольшая выставка в музее Современного искусства в Нью-Йорке. Рейтинг президента в стране и мире медленно, но верно начал подниматься.

Иван Туров был назначен директором учрежденного музея графики и гравюры. Правительство выделило ему небольшой особняк в центре столицы и президент заезжал туда довольно часто. После знакомства с Туровым президент начал носить с собой, никому не доверяя, небольшой кейс в который помещалось несколько листов бумаги, пузырек туши «Ньютон и Виндзор», кисточки и пара перьев. Он стал рисовать даже на заседаниях, что-то черкая пером или затушевывая кисточкой.

В один из прекрасных дней Савелий приблизился к президенту с виноватой улыбкой:

- Куда деньги девать?

- Какие деньги?

- Я тут несколько рисунков продал, недорого, люди просили.
- Какие люди, какие рисунки?
- Японцы и голландцы. Еще за репродуцирование сбросили гонорар. А рисунки Ваши. Имел смелость позволить себе выступить агентом. Простите.

- Много денег?

- Нет. Так, для первого раза, двадцать пять тысяч за шесть рисунков. Мало?

- И покупатели есть... Ну ты проныра, - усмехнулся президент. - Отдай деньги Турову, пусть распорядится сам.

Савелий передал деньги Ивану, умолчав о том, что для себя он оставил еще пять тысяч долларов. Эта мизерная сумма по кремлевским меркам, просто была в радость. Уметь зарабатывать на удовольствии - великая вещь.

На день рождения президента министр внутренних дел преподнес ему картину Густава Климта «Girl open air».

- Вы с ума сошли, еще бы Мону Лизу притащили, - прошептал президент, принимая подарок в узком кругу.

- Лишь бы Вы были довольны - также прошептал со скрытой угрозой силовик.

Савелий, поднимая бокал за здоровье всех присутствующих, встретился с глазами министра и понял, что нажил себе смертельного врага.

Президент продолжал рисовать и потихоньку менять людей сначала на третьих ролях, затем на вторых. Рейтинг президента рос и к нему потянулась интеллигенция.

Наступало время решительных действий.

Министр иностранных дел отбыл с плановым визитом в Египет. Министр по чрезвычайным ситуациям вылетел в лагерь беженцев, где начиналась эпидемия. В неполном составе собрался президентский совет. Вялое обсуждение программы перевооружения, укреплений границы с Эстонией близилось к концу. Пора было переходить к вопросу о вынесении кандидатуры на пост премьер-министра. Президент резко поднялся и задел рукой кисточку торчащую из пузырька с тушью.

Тушь (пятнадцать долларов за маленький флакончик) веером маленьких капель окатила выступавшего министра внутренних дел, щедро заливая его лицо, руки, парадный китель.

- Твою мать... - выругался полуослепленный министр и покинул собрание.

- Переходим ко второму вопросу: обсуждение кандидатуры на представление в госдуму. Предлагаю Савелия. Кто за, кто воздержался?

Воздержался оставшийся в одиночестве министр обороны. Против никого не было.

- Перерыв пятнадцать минут, все свободны - объявил президент и добавил, обращаясь к маршалу:

- Я знаю Ваша дочь тоже (напирая на слово тоже) интересуется живописью. Оставайтесь, я хотел бы обсудить один вопрос...

Через пять минут после начала заседания министр обороны отпросился за плохим самочувствием домой и слег в госпиталь с сердечным приступом. Его дочь и жена вечерним рейсом вылетели в Мюнхен по программе обмена молодыми талантами. Вернувшийся в собрание министр внутренних дел понял, что его обошли и на лице выступили красные пятна.

На следующее утро у президента внезапно сменились оба личных телохранителя. В машину к президенту и Савелию сели министр внутренних дел и его заместитель. Правительственный эскорт направился в аэропорт Шереметьево для встречи молодого короля Иордании. Проезжая мимо созданного им музея графики, президент приказал остановиться.

- Есть еще полчаса. Зайду к Турову. Савелий подожди.

Телохранители как две тени пошли вслед за президентом несящим самолично свой маленький кейс. Иван Туров встретил президента на лестнице и повел в свой кабинет хвалиться новыми поступлениями.

- Подождите здесь.

Телохранители проверили кабинет и убедившись, что исчезнуть из него не представляется возможным, остались за дверью. Через пять-семь минут президент появился со своим дипломатом и сдержанной улыбкой.

- Конвой, за мной.

Министр внутренних дел облегченно вздохнул, увидев, что ничего не произошло в не контролируемом им музее. За время отсутствия президента шофер вышел из машины, а его место занял заместитель министра внутренних дел. Савелий был бледен и молча барабанил по ручке двери.

- Поехали.

Встреча с королем прошла согласно протоколу.

- Я тоже люблю живопись и даже привез показать Вам свои рисунки - заявил молодой король. - Завтра я устраиваю большой прием в посольстве. Прошу быть Вас, и Вас, и Вас, с супругами...

Савелий и министр внутренних дел приняли предложение и только президент сослался нехотать на божий промысел, но обещал постараться быть. На обратном пути в машине произошел резкий разговор.

- Ты забыл, кто тебя привел к власти. Урод, картинки мажешь, хорошим хочешь быть...

Президент, побледнев, тихо сказал:

- Вы меня, граждане, с кем-то путаете, мне на хрен не нужна эта ваша гребаная власть. Я художник. Читайте журналы. Проживу без Кремля. Остановите машину.

Замминистра остановил машину около станции метро и президент вытолкнул телохранителя из салона и вылез сам:

- Нагим пришел в этот мир, нагим и уйду. Савелий, вылазь. Не ходите за мной, сволочи.

Савелий надел шляпу и вылез на улицу вслед за президентом. Телохранитель растерянно сел обратно в машину и остановившийся кортеж медленно тронулся без первых лиц государства. Президент и Савелий начали быстро спускаться по ступенькам в подземный переход, когда где-то вверху прогремел сильный взрыв.

В переходе президент остановился в небольшой кафе -стекляшке.

- Два пива, Савелий, расплатись, - опешившая буфетчица, увидевшая президента и премьер-министра, растерялась и денег не взяла. Мужики, узнавшие первых лиц, осмелели и стали предлагать чокнуться с ними и - вяленую воблю. Савелий, сделав большой глоток «Балтики», впервые обратил внимание, что президент без своего маленького кейса.

Расталкивая собравшийся народ, к президенту приблизился заместитель министра иностранных дел, начальник генерального штаба и еще какие-то люди.

- Слава богу, Вы живы. Террористический акт. Ваша машина была заминирована. Министр внутренних дел, его зам, телохранители погибли. Слава Богу, Вы живы...

На окне кабинета директора музея графики и гравюры Ивана Тuroва стоял маленький кожаный кейс, в котором лежало несколько листов прекрасной тонированной бумаги и маленький пузырек с тушью «Ньютон и Виндзор».

Министр вооруженных сил был занят реорганизацией своего обширного хозяйства. В его ведение были переданы внутренние войска, пограничные части и батальоны МЧС.

В австрийском городе Граце известный врач распаковывал большую бандероль из России. Увидев полотно, хирург не мог сдержать своих слез. С картины известного австрийского модерниста Густава Климта на него смотрела девушка. Девушка на открытом воздухе.

Президент всех россиян задумчиво смотрел в окно. Через пять минут он спустится в свою мастерскую и напишет легким и свободным мазком, презирая каноны академии художеств, новое полотно и оно войдет в историю изобразительного искусства:

Вячеслав ПЕРВУШИН

ДОЖДИК В ЛАДОШКЕ

Рассказ

Это было время, когда за каждой дверью скрывался таинственный, неизведанный, удивительный мир. Это было время, когда лунными, призрачными ночами по квартире, тихо поскрипывая половицами, бродило мохнатое и глазастое НЕЧТО, мешая заснуть и заставляя гулко бумкать в груди маленькое горячее сердце.

Это было время мыльных пузырей, время тополиных выюг и вечерних звездопадов.

Это было время Великий Тайн и Поразительных Открытий.

* * *

Ночь, кокетливо заколов бронзовым месяцем пышную прическу из робких ленивых облаков, тихо входила в город.

Короткий теплый летний ливень закончился так же неожиданно, как и начался, заставив безумную тополиную бурю прилипнуть к мокрому асфальту. Хитрые пушинки ждали жаркого июльского утра, когда солнце высушит грязные лужи и влажную черную землю, чтобы вновь заполнить воздух своим сумасшедшим танцем.

А возле деревянного двухэтажного дома, слегка покосившегося набок, с проржавевшей водосточной трубой прыгала маленькая девочка в белых стоптанных босоножках. В такт удалявшейся об асфальт скакалке девочка считала:

- Раз-раз-два-три. Три-четыре-раз-раз. Раз-раз...

Высокий черноволосый мужчина появился ниоткуда. Его не было и... Вот он сидит на такой же, под стать домику, деревян-

ной покосившейся скамейке. Сидит и курит.

- Раз-раз... Добрый вечер...

Девочка перестала стучать стоптанными каблучками об асфальт, и стало слышно, как где-то вдали жалобно простонал уходящий в какой-то далекий-далекий город поезд.

- Привет.

- А вы промочитесь. Скамейка еще не высохла.

- А ничего. Ничего. Не страшно это. Мокрая скамейка - это ерунда. Я привык.

- К мокрым скамейкам? - удивилась девочка.

- Хм... Как тебе сказать... Вообще к дождям. Я люблю дожди, - и мужчина задумчиво посмотрел в небо. - Дождь - это красиво. И он всегда разный.

- Как это? - девочка тоже посмотрела на небо, где между уплывающими за город облаками начали проглядывать первые, самые яркие звезды.

- О! Он бывает грибной, морозящий, проливной, он... он бывает даже косой, - при этих словах мужчина как-то странно поморщился, будто слово «косой» он принимал как личное оскорбление.

- Такие дожди я знаю, - сказала девочка и повесила прыгалку на свое худенькое плечико.

- Ну, конечно, такие дожди знают даже такие маленькие девочки, как ты.

- А каких дождей не знают девочки?

- Дождик в ладошке. Дождик на лепестках цветов...

- Дождик в ладошке?

- Да. Дождик в ладошке. Когда ветер переменится, - мужчина опять задумчиво посмотрел на послегрозовое небо, - придет дождик с севера. Ты обязательно попробуй поймать его в ладошку. Совсем немного. Чуть-чуть.

- А ветер переменится?

- Обязательно.

- А зачем мне ловить дождик в ладошку?

- Он принесет тебе счастье.

- А-а...

- Ты знаешь, что такое счастье?

- Н-нет... Наверное, не знаю. Ведь я еще маленькая. А вы знаете?

- Конечно. Я много чего знаю. А счастье - это очень просто. Счастье - это бегать босиком по лужам. Под дождем, который приносит северный ветер... Ну, ладно, мне пора. А тебе уже давно нужно быть в постели и видеть цветные сны.

- Я никогда не видела цветных снов, - пожалала плечами девочка, отчего ее скакалка упала на черный потрескавшийся асфальт.

- Сегодня непременно увидишь. Я тебе это обещаю.

- А кто вы? - спросила девочка, наклонившись за упавшей прыгалкой.

Девочка лишь на мгновение отвела взгляд от мужчины в черном плаще, но его уже не было. Прыгалка во второй раз упала на мокрый асфальт из ее дрожащих рук. Звук ударившихся об асфальт легких пластмассовых ручек показался ей страшным грозовым громом.

А наутро во всем городе: на всех тротуарах, дорогах, лужайках и детских площадках исчез тополиный пух...

* * *

В эту ночь девочке Кате действительно первый раз в ее десятилетней жизни приснился цветной сон. Сон был очень ярким. Он был красным, синим, ярко-желтым, зеленым и... странным.

На удивительном, переливающимся желтым ослепительным светом облаке стоял все тот же высокий, в черном плаще человек и что-то говорил ей.

Она прыгала по фиолетовым лужам.

- Я ничего не слышу! - кричала Катя облаку. - Спуститесь, пожалуйста, пониже, если вам не трудно!

Старый - выше неба - тополь, росший возле ее дома, что-то ворчливо бормотал, шелестя клейкими зелеными листьями, но на нем не было белых пушистых сережек. Ни одной.

«Как удивительно, - подумала девочка, - тополиный пух исчез. Не осталось ни одной пушинки... Тополь грустно... Что же теперь будут поджигать мальчишки?.. Наверное, старые

деревянные ящики возле продуктового магазина и сосновую хвою в лесу. И может случиться пожар. А сосновая хвоя - очень едучая. А мальчишки еще ее курят, заворачивая в газетные оборвыши - вот! Потому что им не продают сигареты...»

- Теперь ты слышишь меня?

- Ой!

Облако висело теперь над самой крышей катиного дома, а стоящий на нем человек в черном плаще хитро улыбался. Из кармана его плаща выглядывала серая мышиная мордочка. Мышонок тоже улыбался.

- Серенький хочет тебе кое-что сказать, - показал мужчина красивым длинным пальцем на мышонка.

- Разве он умеет разговаривать? Разве мыши говорят?

- Этот - большой болтун, - мужчина почесал мышонка между ушками. - Но иногда говорит умные вещи. И он знает много интересных штук: откуда по утрам берется роса и куда потом девается, почему пшеничные зернышки вкуснее ячменных, отчего в городе исчез тополиный пух и что нужно сделать для того, что он снова появился...

Катя топнула ногой прямо в середину фиолетовой лужи:

- Отчего в городе исчез тополиный пух?! Куда он исчез?! И что нужно сделать для того, чтобы он снова появился?! Не бывает июля без тополиных вьюг!

Лужа от удара не разбрызгалась по сторонам, а превратившись в огромную каплю, перелетела через дом и повисла возле старого, ворчливого тополя.

- Я, между прочим, с отличием закончил Главную мышиную академию! Попрошу не топтать босыми ногами!

- Да, он учился, - согласно кивнул мужчина, - и если серенький обидится, то ты так никогда и не узнаешь, как вернуть тополиные вьюги.

- А не вернутся пушинки, - ехидно заметил мышонок, - никогда не наступит ни август, ни сентябрь, ни октябрь... Все время будет Вчера! И ты навсегда останешься вчерашней! Как щи!

Катя не на шутку испугалась, ей не хотелось оставаться навсегда вчерашней, как щи.

- Извините меня, пожалуйста, я не хотела вас обидеть, но как же это может быть всегда Вчера? Вчера - это же хуже, чем Завтра?

- Ну, это как посмотреть...

- А как нужно посмотреть?

- Ты задаешь слишком много вопросов, - рассердился мышонок, но так, понарошку. - Сон заканчивается, а ты не спрашиваешь самого главного - что нужно сделать для того, чтобы вернуться тополиные выюги!

- Извините, я спрашивала.

- Нет, - отрезал мышонок. - Ты не спросила, что нужно сделать ТЕБЕ для того, чтобы они вернулись.

- Мне?

- Конечно, тебе. У меня такие маленькие лапки, что я даже капельку волшебного дождика не смогу поймать.

- Северного дождика? Когда переменится ветер?

- Угу.

- Что нужно сделать мне?

- Вернуть то, что ты потеряла... и...

Мышонок юркнул в карман плаща, а ярко-желтое облако, на котором стоял высокий черноволосый мужчина, стало вдруг быстро подниматься в синее небо.

- Что?! Что я потеряла?! И что «и»?

- И ветер переменится, - донесся до нее еле слышный голос.

- И придет Завтра... Верни то, что ты потеряла...

- Что?! Что?!.

* * *

В то самое время, когда все жители города удивлялись, куда подевался с улиц весь тополиный пух, дворники задумчиво стояли во дворах со своими метлами и шлангами, а мальчишки гадали, что же делать с украденными дома спичечными коробками, Катя сидела на ступеньках своего старенького двухэтажного дома и разговаривала с облупленным носком своей бо-соножки.

- Я никогда не смогу найти то, что потеряла. Нет, не смогу. Я - «ужасная растеряша», так всегда говорит моя мама. И как

же, интересно; найти ТО, когда не знаешь, что именно. О-ох, я много чего потеряла. Почти взаправдашнюю золотую брошку - раз, мячик-попрыгунчик - два, волшебную перламутровую пуговицу - три...

- Мою трещотку от велика... Ты чего это сама с собой разговариваешь?

- Иди, Пашка, иди, не мешай мне. Твоя трещотка - это глупость.

- Это твоя перламутровая пуговица - глупость, - сказал оскорбленный до глубины души Пашка, живший в большой девятиэтажном доме за речкой. - Никакая эта пуговица не волшебная, а самая обыкновенная - потрескавшаяся и с отколотым краем!

- Пусть, - упрямо сказала девочка, - с отколотым краем, все равно волшебная... Уходи, Пашка, ты мне мешаешь.

- А что такого ты делаешь, что я тебе помешал?.. Ты видела, весь тополиный пух пропал? Во всем городе!

- Ну и чему ты радуешься? А? Хочешь навсегда остаться вчерашними щами?

- Кем?

- Да не «кем», а где. Ты хочешь остаться во Вчераша?

- А при чем тут...

- Ох, какой же ты глупый! Ну все же просто! Если не вернутся тополиные выюги, никогда не закончится июль и никогда не наступит август, сентябрь, октябрь, зима...

- Ну.

- Что «ну»? Я должна найти то, что потеряла, тогда переменится ветер и принесет северный дождик.

- И тополиный пух снова появится?

- Да. Так сказал мышонок.

- ...Кто-о сказал так?

- Мышонок. В моем сне... А вчера вечером дядька в черном плаще сказал, что когда с севера придет дождик - его нужно поймать в ладоши.

- Ага. Мышонок. И что же ты потеряла? Что такое ты должна найти? Ты что ли издеваешься надо мной?

- Ты не веришь мне?

- Я?! Чтобы поверил в такую чепуху?! Мышонок, незнакомец в черном плаще! - Пашка поправил на курносом носу очки и озабочено вздохнул. - Я слишком большой для таких сказок.

- Ты?! Да ты... ты... метр с кепкой - ты, да и то в прыжке! «Я слишком ба-альсой...» - передразнила его Катя и демонстративно отвернулась..

- Ты что же это... ты хочешь опять со мной разругаться? Ты опять меня дразнишь?!

- А мы с тобой еще и не помирились.

- Ну... ну, знаешь...

- Знаю, знаю. Ромео несчастный!

- Ну да, - грустно пробормотал Пашка. - Ромео не был очкариком, но и ты не похожа на Джульетту.

Пашка развернулся и, слегка хромя, пошел в сторону речки.

- Постой! - сердечко в каткиной груди странно дрогнуло. - Ты чего хромаешь? - она встала с крыльца, оправила уже слишком короткое ей ситцевое платьице. - Ты что, упал?

- Не-а. Он не упал. Он из-за тебя подрался... злючка.

Маленький мышонок из сна сидел на верхней ступеньке крыльца и задумчиво почесывал лапкой за ухом.

- Так ты не приснившийся? - синие каткины глаза стали размером с чайное блюдце. - Ты настоящий?

- Еще какой, - гордо пискнул мышонок. - Самый настоящий, из самого настоящего сна.

- Паша! Пашка! Вот! Вот этот мышонок из моего сна! Посмотри! Пашка, не оборачиваясь, махнул рукой и уходил все дальше и дальше.

- Ты, серый! Позови его! Он не не верит мне! Позови!

- Я «позови»? Я в него не влюбленный.

- А я... я, - каткины щеки и даже нос стали пунцовыми. - Я влюбленная?

- Я же говорил, что ничего не получится, - со вздохом сказал мышонок, - обращаясь к кому-то невидимому. - Она теряет то, что начала терять. Так что я, пожалуй, пойду. Ветер не переменится...

- Что? - Катя растерянно озиралась по сторонам, пытаясь увидеть того, с кем разговаривал мышонок. - Что я дотери... я потеряла...

- Подтолкни ее, серый, - раздался снисходительный голос. - ВСЕ она поймет позже...

Сбросив босоножки со стоптанными каблукками, девочка побежала по растрескавшемуся асфальту вслед за уходившим маленьким влюбленным мальчишкой. Она догнала Пашку уже почти у самой речки и сухими горячими губами поцеловала его в щеку.

- Я нашла! Я нашла... я вернула...

Обалдевший и ничего не понимающий мальчишка от неожиданности упал на больную ногу, а очки слетели с его носа и потерялись где-то в траве.

Катка встала перед ним на колени и чмокнула его облупленный нос:

- Я чуть-чуть было не потеряла...

В ту же секунду над городом пронесся первый прохладный шквал северного ветра.

- А ты говорил, ветер не переменится, - раздался где-то высоко в голубых небесах Голос.

* * *

К вечеру в городе снова танцевали тополиные вьюги.

Павел МЕДВЕДЕВ

НЕ ГРУСТИТЕ...

Завывает пурга,
За окном по сугробам летает
И следы замечает,
И не видно ночных фонарей...
Выпью водки за тех,
Кто меня, как себя, понимает,
Остальным наплевать -
Скажут: "Жил, и о нем не жалея"...
Выйду в ночь, распахну
На груди я рубаху простую
И закружится в вихре
Седая моя голова...
Полечу над снегами
В высоту, в черноту в никакую,
Навсегда оставляя
Свои песни, родных и дела...

Наступает весна.
Снова ласточка в дом залетает.
И сирень расцветает,
И бормочет разбуженный лес...
Не грустите, ребята,
Обо мне спойте песню, девочки!..
Я на вас посмотрю
Из-за облака,
Синих небес...

НОСТАЛЬГИЯ

Выхожу я из серой квартиры, -
Серый сам, серый снег, серый люд...
Захотелось вдруг белой стремительной птицей
Улететь... - не в тепло, не на юг...

Захотелось мне в синие дали,
Где снега, как алмазы, блестят.
Там, где нет ни тоски ни печали,
Где полярные звезды горят...

Где полярные вьюги меняет
Тишина заполярных ночей,
Где друг другу всегда доверяют,
Где не слышно коварных речей...

Хочешь, в синие дали уедем?!
А то - здесь я совсем одичал...
И в обнимку с полярным медведем
Будем петь и плясать по ночам...

* * *

Я волком бегу по военной тропе
Среди опостылых панельных домов.
Клыками рву всё, что не нравится мне
И к драке за близких я вечно готов.

Что же за время такое пришло?
Каждый стремится кого-то сожрать,
Вырвать кусок, пока солнце взошло...
Демократии солнце? - едрит-твою мать...

Если не ты, - то тебя разорвут
Как грелку, на части, потом - собирай...
Рядом бегут и в тебя же плюют -
Вот и весь ваш демократический рай...

Я - волк-одиночка. Пусть я поседел,
Клыки затупил и шерсть поредела...
Мне так надоел людской беспредел, -
Завыл бы на всех, чтоб душа леденела...

Виктор СЫСУЕВ

НЕПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

Опять приснилась степь во сне,
И сон напоминает снова
О казахстанской целине
И о житье в краю суровом.

Июль казахский наступал,
Мы ночью целину пахали -
Днем трактор в борозде вставал,
Вода в моторе закипала.

Ведь Казахстан - совсем не Сочи,
И воздух вовсе не морской,
Но солнце греет жарко очень
В полдневный нестерпимый зной.

Жару такую дал Аллах -
За сорок градусов в тени,
Вставали миражи в глазах,
И рассыпались в прах они.

С поселком рядом, недалеко,
Имелся котлован с водой.
Вода плескалась в нем глубоко
Быть может, метра три, с лихвой.

Я погружался в его воду
И загорел на берегу.
В такую жаркую погоду,
Сказать я даже не могу,
Как счастлив был в ту пору я,
Счастливей не было на свете!
Меня, признаюсь вам, друзья,
Быть может и на всей планете.

"Иля илляха иль Аллаха..." –
Промолвил аксакал-казах,
Стояли слезы на глазах,
И в них застыли боль и страх.

"Давай, директор, пять баранов,
Мы будем кушать бешбармак,
Молиться Богу утром рано, -
Дождя большого даст Аллах."

Дать им баранов не решился
Директор. Пить кумыс не стал,
Аллах за это рассердился,
И засуху на нас послал.

Убытки потерпел совхоз,
И урожая – не бывало,
Сгорел горох, ячмень, овес...
Лишь кукуруза устояла.

Ошибки совершал недаром
И не отдал Хрущев-отец
Земли казахам-аксакалам,
Чтоб разводили там овец.

Они под тракторы бросались,
Чтоб не пахали целину,
Но партия в тот спор вмешалась
И повела за хлеб войну,
Чтоб миллиард пудов собрали
Мы казахстанского зерна,
И чтоб державой хлебной стала
Моя огромная страна.

С тех пор прошло почти полвека,
Вперед продвинулась страна,
Но нет земли без человека!
А ныне – есть ли целина?

Экономистов не послушав,
Мы нефть, как прежде продаем,
Из-за границы “ножки Буша”
Мы на прокорм себе везем.

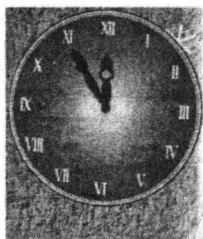
Мы все колхозы развалили
И здесь не пашется земля,
Заветы предков позабыли,
А зря, клянусь вам в этом я.

Недалеко – за Черемшаном,
Жирует тучный чернозем,
Воды в достатке, город рядом,
И дачи строятся на нем.

Работать здесь никто не хочет,
В особенности – молодежь...
Так объясняют: нет охоты,
На даче – горб лишь наживешь!

Зато крадут картошку, лук,
И для воров здесь сущий рай.
... Раскинулась земля вокруг
Тут целины – хоть отбавляй!

Не Шолохов я и не Брежнев,
Я просто человек – не Бог,
Те целину подняли прежде,
А я поднять ее не смог...

"ШЕСТИДЕСЯТНИКИ" ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Слово о человеке пожилom!
Слово-то какое – пожилой...
Словно, хватит, пожил.
Словно – случай живой.
Слава тебе одиночество!
Слава подруге родной!
Славьтесь – народ и отечество,
Славься наш мир... пожилой.
Славные годы прожили
Славные наши родители.
Словом от них мы вышли –
Сложным – "Шестидесятники".
Сложными были те годы,
Сложным детям войны.
Словами мягко стелили
Словом, теперь жестко спать...
Сложили мы в юных мечтах
Кривые пути и дороги.
Сломали вожди и вожатый
То, во что верили предки.
Сладкое слово – Свобода!
Сладко им было во сне...
Слепо верили: годы...
Думали: "Не на войне!"
Слагали себе легенды,
И анекдоты... про Них...
Слугами были народа,
Слугами мы – у Них...
Слава, Господу Богу,
Слава Вам, мои дорогие,
Славься народ и Отечество –
Славься весь мир Пожилой!
Господи, слава, - отныне -
Что порвали мы с Ними,
Хоть и жалеem порой...

Людмила АРТЕМОВА

МОСКОВСКИЙ ПАРАД 1980 ГОДА

9-е Мая! Упрямая память
Меня возвращает в те дни
Далекого года... Отец умирает,
Остались последние дни.

Он смотрит парад, где полки ветеранов
По площади строго идут.
На кителях наградные планки
Земли многоцветьем цветут.

Я рядом сижу и за ним наблюдаю -
И сердце сложилось в комок:
Единственный мой, как ты страшно страдаешь,
Но... немощь свою превозмог!

Привстал, сколько мог, (как натянуты жилы!)
Как с ними шагать он мечтал...
И капельки слез самовольно катились
По бледным и впалым щекам.

Иссохшее тело трясло от рыданий,
А ноги плясали гопака.
Он 35 лет жил душою с друзьями,
Теперь вот прощался. Навек.

Я тихо встаю и к себе прижимаю
Бессильное тело отца.
Теперь мы в строю, рядом с тем, кто шагает,
Сияют родные глаза!

Живи, мой любимый, еще хоть немного,
(Как мысли жестоко страшны)
Контузий и ран превозмог ты пороги,
Но щупальцы рака смертельно сильны.

Он больше не встал, в том стремленье солдата...
Сказать - не щадя живота,
Не выгоды для, а чтя Родину свято... -
Ей жизни остаток вложил и тепла.

Минуты последние бредил, метался, -
"2-й Белорусский"... окопы... плывем..."
И... замер. Таким в нашем сердце остался,
Сержантом пехотного взвода.
Отцом!

Андриян ГРИГОРЬЕВ

(пос. Н.Малыкла)

* * *

Воет ветер за окном,
Дует лютый стужей.
Не остынь, родимый дом,
Ты мне теплый нужен.

Коль за окнами зима,
И метет безбожно,
Без родимого тепла
И замерзнуть можно.

* * *

Уходит день за горизонт,
Его исписана страница;
Еще один дневной экспромт
Войти в историю стремится.

Пылает заревом закат,
Разлившись краскою багровой;
Не надо нам путей назад, -
Мы завтра лист распишем новый...

* * *

Не спасут ни храма своды,
Ни пещера, ни дворец
От душевной непогоды
Столковавшихся сердец.
Ни молитвы и ни свечи
Не вернут покой и сон.
Это могут только встречи,
Только вздохи в унисон.

* * *

Обидой горестной томимы,
Устав винить, устав пенять,
Порой тоскуем и грустим мы
Себя не в силах понимать.

Устав от склоки и упреков,
От пересудов и обид,
И тяжких жизненных уроков,
Душа и стонет и болит.

А чтоб обиду и досаду
В душе израненной унять,
Одно лекарство только надо:
Уметь мириться и прощать.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР
(перевод с английского)

Сонет № 66

Устал от мира я, о смерти плачу,
Чтобы не видеть все злодейства дня:
Как мелочи, разряженные, скачут;
Как клятвопреступления манят;
Как позолота с Чести облетает;
Как Добродетель дев осквернена;
Как Совершенство грязью поливают;
Как Сила Слабости подчинена;
Как всем Искусствам власть – Авторитеты;
Как глупость претендует на почет;
Как Истина – и та в плену наветов;
Как над Добром Зло власть себе берет.

Устал от мира я; желав в него влюбиться –
Неразделенною любовь моя томится.

УИЛЬЯМ Г. ДЕЙВИС
(перевод с английского)

НЕТ ВРЕМЕНИ

Ну что за жизнь, коль вся полна забот!..
Не успеваем к ней мы присмотреться.
Нет времени взглянуть на небосвод,
И постоять, на солнышке погреться.

Нет времени окинуть взором лес,
Где белки прячут на зиму запасы;
Полюбоваться, как летят с небес
В ручей ночные звезды искупаться.

Нет времени взглянуть на красоту,
Почувствовать, как бьется наше сердце...
Из жизней всех я выбрал бы не ту,
К которой не успеешь присмотреться.

В ЧАШУ С ЧИСТОЮ ВОДОЙ КЛАЛИ ПЕРСТЕНЬ ЗОЛОТОЙ...

Как жили наши предки во времена, когда не было телевизоров, радио, музыкальных центров, когда не происходили шоу - типа пугачевских «Рождественских вечеров»? Говорят, что еще с праверских или языческих времен на Руси особо чтили новогодний праздник - Святки.

Это дни с 7 по 19 января - от Рождества - до Крещения. Дни, совпадающие по времени с рождением нового солнца.

Это пограничное время между уходом старого года и празднованием нового, время отступления зимы, когда до самого Крещения творится настоящий разгул нечистой силы, наступает ей полная свобода куролесить, смущать православных грехопадением...

По разному происходили Святки в древнем Мелекессе. В Рождество в главном зале дома посадского Головы К. Г. Маркова, а позднее - в Народном доме /драмтеатр/ проводились маскарадные балы для влиятельных посадских семей и дворянства. По улицам Мелекесса празднично колобродила молодежь, устраивались базары, катания на конных санях, салазках с горок. Многие мещанские семьи почитали проводить праздники в церкви, затем дома за праздничным столом...

И только самые отчаянные выходили «на спор» с нечистой силой.

Было специальное гуляние по ночам - Ряжанье. Девушки⁴ 1

рядились в парней, молодые люди - в дам, старухи - в солдат, неверующие - в чертей, покойников, хухляков, окрутчиков... Народные маскарады продолжались, несмотря на греховодство и опасности.

В мещанских домах происходили гадания, в которых принимали участие девушки, парни, тетки. Лишившись оберегов (креста, пояса, иконы), с помощью нечистой силы шли на ночь на перекресток дорог, к прорубям на прудах, в баньки на задах подворий, чтобы обрести магический контакт с потусторонними силами. В местах, где скапливаются черти, «Васильевским огарком» от свечи чертили круги, ограждая себя от нечисти, пытались угадать судьбу...

Особо почитаемое время для гаданий - был Васильевский вечер - в ночь перед Крещением и сочельники - ночи под 31 декабря и 5 января. Кстати, верующие люди считали это же время самым опасным в Святки. Для гаданий наши предки использовали кур, литье олова и воска, зеркала, жжение бумаги, обувь и золотые украшения... Рассказывают до сей поры, как на Верхнем пруду у проруби одна из отчаянных гадальщиц очертила «васильевским огарком» коровью шкуру, но забыла про хвост, уселась на эту шкуру гадать, а из проруби всплыл водяной и за неокрещенный коровий хвост утянул юную мелекессянку под лед. Три дня праздников земляки искали ее в пруду... Заканчивались Святки в Крещенский сочельник молитвой и очищением домов и подворий от нечистой силы, многие не ели - вплоть до приноса из храма святой воды...

И, конечно же, всякие Святки и до сего времени сопровождаются разными рассказами, легендами, «страшилками». Одну из таких мы предлагаем нашим читателям. Она пришла к нам из далекого прошлого нашего края.

СЛУЧАЙ ГАДАНЬЯ

185... году я поступил в К... военное училище. С раннего детства я так был воспитан, что не верил ни в какие пред-
рассудки и во всякое время дня и ночи готов был идти
совершенно один на кладбище, на колокольню или куда
удобно. Легенды о различных привидениях, хотя я и слушал
всегда с большим удовольствием, но несмотря на мои
юные годы, эти рассказы никогда во мне не вызывали
суеверного страха. В училище я очень подружился с одним
воспитанником, поступившим со мною в один и тот же
день. В совершенную противоположность со мною, мой
друг положительно верил во все сверхъестественное, и 3го
был единственный вопрос, на котором наши взгляды резко
расходились. Однако накануне Рождества он пригласил меня
непременно провести этот день у его родителей, а равно
и первый день праздника. В сочельник две сестры моего
товарища, молодые девушки, и он пристали ко мне пога-
дать в зеркало. Я уступил их желанию, уселся перед зер-
калом, окруженным свечами, и смотрел в него более часа.
Наконец, несмотря на сильное утомление глаз, из кото-
рых даже полились слезы, я все-таки ровно ничего не
увидел и предоставил занять мое место моему другу. Не
прошло и двадцати минут, как он вдруг побледнел и с
испугом отскочил от зеркала.

— Что с тобою? — разом спросили мы его.

— Я скоро умру, — ответил он с рыданием в голосе.

— Это что за фантазия пришла еще тебе в голову? —
сказал я.

— Нет, мой друг, это не фантазия, а сущая правда: я
видел, что мои товарищи несли из училища гроб, в кото- 43

ром я находился, но странная вещь, среди них тебя не было.

— Полно, как тебе не стыдно говорить глупости! Вот тебе доказательство, что твое зеркало соврало, потому что если б ты в действительности умер, то, конечно, я из числа первых нес бы твой гроб, а это ни что иное, как твое расстроенное воображение нарисовало тебе такую картину.

Несмотря на то, что сестры, питавшие безусловную веру в гадание, были до крайности поражены нехорошим видением, они все-таки настолько сохранили присутствие духа, что сделали все возможное, чтобы рассеять брата, но несмотря на все старания, вечер был испорчен, и вместо ожидаемого веселья мрачное настроение духа овладело всеми.

После праздников мы вновь собрались в училище; мрачное настроение не покидало моего друга, но, наконец, мне с большими усилиями удалось как-то успокоить его.

Прошло три недели; в саду мы все играли в чехарду, игра была в полном разгаре, как вдруг мой товарищ вскрикнул и без чувств повалился на землю. Я подскочил к нему и начал растирать его лицо снегом, но ничто не помогало, и он продолжал находиться без чувств; вследствие этого воспитанники немедленно понесли его на руках в лазарет и послали за доктором. Произведенное дежурным офицером дознание выяснило, что одним из воспитанников, обладающим громадной силой, был пущен большой гуттаперчивый шар, который случайно попал в моего друга и задел его по виску. Прибежавший врач возился около больного целый час, пока удалось привести его в чувство. Возвратившееся сознание, однако, скоро опять оставило больного, с ним сделался сильный бред, а через несколько дней юный, здоровый, полный сил мальчик превратился в

безжизненный труп.

Преждевременная кончина несчастного юноши произвела на всех воспитанников сильное впечатление, а на меня в особенности. Невольно навязывался мне вопрос:

неужели, в самом деле, в гадании существует что-то сверхъестественное? Я спешил отогнать от себя докучливые мысли и оставил их неразрешенными.

Из лазарета умершего перенесли в нашу домовую церковь, находившуюся в самом здании училища, где усопший должен был простоять два дня.

В восемь часов вечера назначена была панихида. Воспитанники, зная, что я не суеверен, хотели испытать мою храбрость и обратились ко мне с предложением, чтобы я провел несколько часов в обществе своего друга и тем самым доказал бы истинное к нему расположение и этим наглядно доказал свое неверие.

Я изъявил свое согласие, и воспитанники так обступили гроб, что я имел полную возможность забраться под стол, вполне уверенный, что, как только задремлет дьячок, мне удастся выйти незамеченным.

По окончании службы воспитанники начали удаляться, и совершенно для меня неожиданно инспектор обратился к дьячку, чтобы он не читал ночью молитвы, а шел спать, потому что церковь по приказанию директора будет закрыта. Услышав подобное распоряжение, у меня невольно захватило дыхание: несмотря на всю мою храбрость, перспектива провести ночь, лежа под столом умершего, казалась мне ужасною, но, силою обстоятельств, я вынужден был покориться.

Церковь осталась пустою, и шум замка доказал, что ее запирают. Пропито с той ночи уже десятки лет, но до сих пор я не могу вспомнить о ней без ужаса и содрогания. Мертвая тишина царила кругом, и вот мне постоянно ка-

залось, что мой друг заговорит:

— А что, дружище, ты считал себя таким храбрецом и рассудительным, и вдруг оказался таким трусом? Ты не верил в предрассудки и гадания и всегда спорил со мною, ну-ка скажи, кто из нас прав?

Всю ночь, которая казалась мне без конца, я не сомкнул глаз, и если бы я услышал какой-нибудь в церкви шум или треск, то, наверно, мой рассудок окончательно оставил бы меня.

В шесть часов утра дверь отворилась, и со свечою вошел причетник; не успел он войти, как я выскочил из-под стола, едва не сбив с ног окончательно оторопевшего дьячка, и стремглав кинулся в спальню. Спустя несколько минут после моего возвращения дьячок побежал к дежурному офицеру и с испугом доложил, что покойник бежал из церкви и что он готов поклясться в этом.

Офицер бросился в церковь, но покойник лежал на своем месте. Причетник продолжал уверять, что он сам видел, как мимо него пробежал мертвец, но над его заявлением только посмеялись, приписав его расстроенному воображению.

В тот же день я был отправлен в лазарет и шесть недель пролежал в горячке. Зеркало сказало правду — меня не было среди воспитанников, несших гроб.

АРИНА

Мелекесская поэма

1.

Весенний день
Сиял вокруг.
Я тихо шёл по тротуару,
И вдруг навстречу -
Давний друг,
Из деревушки Краснояра.
Друг школьных лет
И мой сосед,
Мы с ним
В войну еще расстались.
Уже села родного нет,
А мы с тех пор
И не встречались.

- Сергей! Дружище!
Сколько лет!..
- Здорово, друг.
Салют поэтам!
- Сергей, и ты ж - поэт!
- Ну, - не-ет.
Да-авно поставил
Крест на этом.

- Пстой, пстой,
Но мы с тобой
Со школьных лет
Стихи строчили.
- То было в школе, дорогой.
А вот в тюрьме -
Стихи убили.
Власть зажимала вечно рот,
Чтоб ни во что
Не смели вникнуть.
И по всея Руси народ
Не смел ни вякнуть
И ни пикнуть...
Но я в политику не лез,
Писал любовные посланья
Своей зазнобе в Мелекесс,
На что она -
И ноль вниманья.
Зачем я ей писал тогда,
Коль не нужны ей письма, были?
Меня, ты знаешь, в те года
Даже замужницы любили.

..- Да знаю, знаю твой портрет,
Хотя меня ты и моложе,
Но уж такой был сердцеед,
Прямо - Печорин молодежи.
Арину помнишь?

- Не забыл.
Арина - это моя рана.
Из-за неё и получил
Десятилетку Магадана.
Ты чересчур переборщил,
Меня с Печориным равняя.
А я, всегда
Одну любил.
Одну Арину, мать честная.
Вот сплетни ходят и сейчас,
А дело, Женька, проще было.
Меня Арина как-то раз
В парную баню пригласила.
Ну пригласила, я сходил.
Помылись.
Выпили чекушку.
И чёрт меня надоумил
Пропеть ей новую частушку.
Ее, по пьянке мне пропел
Один военный из столицы.
С Ариной я и захотел
Частушкой этой поделиться.
А в те крутые времена
Всем от надзора былр тяжело,
Везде сексотов до хрена,
Сказал не так -
И в каталажку,
Нашёлся гад, кто настучал,
Из ничего состряпав дело.
Вот я в тюрьгу и попал,
Где полстраны уже сидело...
Я десять лет отбыл сполна
С клеймом эпохи: «враг народа».
И все ж на мне
Не та вина.
На мне вина -
Иного рода.

- За анекдоты, говорят,
Тебя стукач районный предал?

- Ну, говорят, и кур доят,
А молочка никто не ведал,
Тут анекдоты не причём,
И не частушечки масштабы.
Тут, Женька, суть
Совсем в другом:
Всё получилось из-за бабы,
Из-за Арины всё кино,
Из-за неё - в меня все стрелы.
Ну, а частушку заодно,
Как говорят, подшили к делу.

- Да-а, срок большой ты отмахал!
Ну, а частушка-то какая?
- Послушай. Может, и слышал.
Частушка очень озорная:

*Слева - молот, справа - серп,
Это - наш советский герб.
Хочешь - жни, а хочешь - куй,
Все равно получишь ... жуй!*

Я хохотнул..
- Вот это да-а!
Такие шутки не прощали.
Ведь за такой фольклор тогда
И пулю-дулю получали.

- Грозило это, друг, и мне,
Как тем, что гибли за идею.
Да, к счастью,
Кончилась в Кремле
Эпоха грозного злодея.
Но не исчезло сволочье
И после чёрного режима.
Знать, сволочье и стукачье
Любим властям необходимы.

- И на кого грешишь, Сергей?
Не на Арину?

- Что ты, милый?!
Зачем меня-то гробить ей,
Когда она меня любила?
Она не выдаст, не предаст.
Другие были скорпионы...
Ты помнишь, был тогда у нас
Уполномоченный района?

- Конечно, помню: Рэн Дубков,
А по прозвищу - «Дубина».

- Так этот самый Хрендуков
И был поклонником Арины.
Он не давал проходу ей,
Она его же презирала...

- Постой, пожалуйста, Сергей.
Ты лучше все начни сначала.
Я знаю: в том как раз году
Нас уже в армию призывали.
И про твою, Сергей, беду
Нам в письмах всякое писали.
Пойдём ко мне.
С версту всего,

Иль чуть побольше будет ходу.
Я здесь живу недалеко.
На Свирской.
Около завода.
Со встречей выпьем «Натали»,
Нам поступить нельзя иначе...

И вместе с другом
Мы пошли.
И он рассказ
Дорогой начал.

2.

- В тот грозный
Сорок третий год,
Когда вас в армию призвали,
У нас был в поле недород
И мы ужасно голодали.
Порой ни мочи нет, ни сил,
Идёшь на ток -
В глазах двоится.
Тот год немало покосил
Людей от Волги до столицы.

Тогда темно и дотемна
Зимой и летом молотили.
А мы на склад Заготзерна
С вдовой Ариной
Хлеб возили.
Всего полмесяца она
Была солдатскою женою.
Но мужа отняла война
И её сделала вдовою.

А ей всего-то двадцать лет.
Но получила "похоронку"...
Вдова, в расцвете своих лет,
Совсем-совсем ещё девчонка!
Ей в институте б надо быть
И делать записи в тетради,
А не колхозный хлеб грузить
И разгружать его на складе.

Она, как беженка, в село
Явилась к нам из Ленинграда.
И всё молилась: повезло
Спасти от голода блокады.
Хоть не легко-де жить и здесь,
На трудовень дают немного,
Но здесь картошка ещё есть,
Сейчас и это, слава Богу!..

А если улицей пройдёт,
Невольно взоры привлекая,
То из окошек и ворот
Вздыхают бабы, замирая.
- Ах, что за прелесть, -
 глядя в след,
Солдатки часто любовались.
- Ох, мужиков-то ладно нет,
А то бы мы изревновались...

Бывало, взгляд короткий кинь -
И не найти ее милее.
А уж в глазах такая синь,
Что неба синего синее.
А выше лба и, на висках
Волнились волосы льняные...
Ну хоть рисуй
Во всех цветах
Да и подписывай: «Россия».

А в Мелекесе
С давних пор,
Куда мы с хлебом приезжали,
Колхоз имел заезжий двор,
Где мы всегда и ночевали. •
А там, из нашего села,
Уже студентка института,
Моя симпатия жила,
Моя ровесница Анюта.

Но, к сожалению, у неё
Ко мне симпатий было мало.
Я воспевал в стихах её,
Она же им и не внимала.
К тому ж была: ещё она
Провинциально диковата
И целомудренно скромна,
Как деревенские девчата.

Ну чем завлечь она могла -
Я до сих пор не разумею.
То ль равнодушьем подожгла,

То ль неприступностью своею.
Я день и ночь
О ней мечтал,
И по колхозному заданью
Не с хлебом будто приезжал,
А к ней являлся
На свиданье.

Она ж почти и не была
Со мной в вечерние минуты.
Всегда какие-то дела
По институту у Анюты,
То заседает комитет,
То консультация, то спевка...
Вздохнёт хозяйка, глядя в след:
- Хитрит, Сергей, с тобою девка.

А в день субботний, как всегда,
Односельчан съезжалось много.
В дому хозяйкином тогда
Людей - от Бога до порога.
Уткнулся спать в любом углу,
Так, чтобы лучше разместились,
То всем стелили на полу
И всем гуртом в постель ложились.

Постелью был тулуп для всех,
Другим тулупом одевались.
И шутки добрые, и смех,
Не умолкая, раздавались.
И не мешала теснота,
И разнополость не мешала.
Святая эта простота
Всех, как родных, объединяла.

4.

Однажды, в поздний уже час
Все стали спать располагаться.
Часы пробили десять раз,
А завтра рано подниматься.
Анюта первая легла,
Я притулился с нею рядом,
На женщин нашего села,
Бросая пристальные взгляды.

Ну, а симпатия моя
Своим накрылась одеялом.
Хотел накрыться им и я,
Анюта запротестовала:
- Под одеяло не ложись, -
Гляди, как женщины косятся...
Прошу, Сережа, отвернись,
Мне нынче надо отоспаться.

Я рассердился: «Чёрт с тобой!»
И в потолок уставясь тупо,
Укрылся молча с головой
Полой холодного тулупа.
Молчу. Обида глубока,
И краем глаза замечаю,
Как грудь Анютина слегка
Край одеяла поднимает.

Хозяйка выключила свет
И в свою спальню удалилась.
А где Арина? Её нет?
Куда она запропастилась?
Под вечер с нею флиртовал
Один военный из стройбата,
В кинотеатр приглашал
И говорил: «Билеты взяты».
В кинотеатре - «Большой вальс»,
Это о Штраусе картина.
Так, может быть, как раз сейчас
Там и «вальсирует» Арина?
Военный, может быть сейчас,
Сидит, Арину обнимая,
Забыв про вальс и про сеанс,
Свои сеансы начиная?..

Зачем я вспомнил про неё?
То ль от обиды на Анюту?
То ль что-то екнуло своё
В эту ревнивую минуту?..
Но вот явилась и она
И раздеваться тихо стала.
В окно уставилась луна.
И с любопытством наблюдала.

Она так ярко в небесах,
Так удивительно светила,
Что даже цифры на часах,
Как на ладони, видно было.
И было ясно видно мне,
Как раздевалась она смело,
Как у Арины при луне
Белело кипенное тело.

Вот платье сбросила она,
Одно, другое одеянье. -
И вот уже обнажена
Передо мной, как изваянье.
Считала, видно, - каждый спит,
Ведь все набегались в субботу.
И вот уж в трусиках стоит,
И всё расстёгивает что-то...

И были лишними слова,
Что предо мной, по крайней мере,
Не вдовушка стояла, а
Ещё не спящая Венера.
А грудь колышется чуть-чуть,
Как беломраморная ваза.
В таком телесном виде грудь
Я и не видывал ни разу.
Тут ни единого соска
Ребячий ротик не касался.
Да и в селе никто пока
Её красот не домогался.
Да и кому? В селе у нас
Три старика да семь подростков.
А из призывников, из вас,
Никто о ней не думал просто.

Арина взглядом повела,
Себе местечко выбирая,
И к нам с Анютой подошла,
Ногой на ногу наступая.
И вот нагнулась надо мной,
И от улыбки просияла
За локоть тронула рукой
И тихо-тихо прошептала:
- Подвинься к Анечке чуток.
Ну да подвинься же немножко. -
Легла ко мне под левый бок,
Шепнув: «Спасибочко, Сережка.
Спокойной ночи. Не сердчай.» -
Полой тулуповой накрылась
И грудью, словно невзначай,
Ко мне, пылая, прислонилась...

О, Боже! Вот он счастья пик!
То жарко мне, то вроде зябко,
Как будто в мой костёр в тот миг
Соломы бросили охапку.
Но я лежу, как неживой,
Боясь ногою даже двинуть.
Сейчас бы в прорубь с головой -
И то, наверно, не остынуть.

Арина - вот, Анюта - вот,
Я в нетерпении и смятении.
И та и эта меня жжёт,
От той и этой нет спасенья.
Анюта - вроде я и с ней.
Арина - вроде я и с нею...
Лежу меж них, как меж огней,
От той и этой пламеня.

И мне ни охнуть, ни вздохнуть
В разгорячённые минуты.
Налево глянь - Арины грудь,
Направо - пышет грудь Анюты.
Да разве сон придёт какой?
Да разве будешь ждать рассвета?
Вот прислонись к щеке щекой,
Как опалит и та и эта.

А в окна, словно в линзы луп,
Луна глядит - не наглядится.
И наш с Ариною тулуп
Вот-вот от нас воспламенится...
Горит пожар - а-я-я-яй,
Он - меня и у Арины....
Хоть по тревоге вызывай
Сюда пожарные машины.

5.

Уже один мой бок устал
И на другой я повернулся,
И, что к углям, к её устам
Неосторожно прикоснулся.
Арина малость подалась
И от меня не отстранилась,
И в губы так в мои впилась,
Что всё на свете закружилось...

Её пылающий язык,
Мне губы тихо раздвигая,
Мгновенно прямо в рот проник,
Все остальное зажигая.
Я, как в ознобе, стал дрожать
И затаил свое дыханье -
И ни дышать,
И ни кричать,
И ни молчать не в состоянии!

Такая жаркая жарыны
Смешался пламень
С кровью вместе.
Казалось, в снег обоих кинь -
И снег растает в этом месте.
А я всё думаю, чудной,
Глаза с иронией прищуря:
Неужто муж лежит с женой
Всегда в такой температуре?

Меня Арина обняла,
Шепнула: «Как я, милый, рада»...
Сама, что следует, нашла
И все устроила, как надо...

Терпенья нету моего -
Горю, сгораю, догораю...
Ведь мне шестнадцать лет всего,
Я ничего ещё не знаю.

И вот лежу, не шевелюсь,
Гадаю: долго ль это длится?
И, откровенно признаюсь,
Не знал, что надо шевелиться.
Нас видел только потолок,
Для глаз мы небыли мишенью:
Высокий фикуса цветок
Загородил широкой тенью.

Арина шепчет, как в бреду:
«О дайте воздуха глоточек...
Иди во двор - и я приду
К тебе минут через пяточек»...
Я поглядел на штор узор,
Луна была за тучей где-то
И тихо вышмыгнул во двор
Вроде по нуждам туалета..,

6.

Хожу-брожу среди двора,
Всё жду: она должна явиться.
И уж, наверно, мне пора,
Как говорится, возвратиться.
Добавил корму лошадям,
А дрожь под утро пробирает.
Скольжу глазами по дверям
И зуб на зуб не попадает.

Ну что я жду? Все люди спят,
А я брожу здесь, как овечка.
И вдруг в своём пальто до пят
Арина прыгнула с крылечка.
Ещё ко мне не подошла,
Качнула в стороны полою,
И - в чем мамаша родила,
Остановилась предо мною.

«Мадонна! Чудо из чудес! -
Сказал я шёпотом Арине, -
Ты - снизошедшая с небес
На землю грешную - Богиня!»..
Вновь показала мне она
Свое божественное тело.
Хоть и бесстыдница луна -
И та пред нею обомлела.

И я стремглав метнулся к ней,
Она меня пальтом одела
И я прижался к ней плотней,
Скользя ладонями по телу.
Пытаюсь снова вызвать страсть,
Но всё во мне уже остыло,
И хоть бы жилка напряглась,
Как под тулупом это было.
Губами тычусь прямо, вбок,
Но никакого нет волненья.
И вот в губах моих - сосок,
Тугой-тугой от возбужденья.
- Ты первый в губы его взял, -
Арина томно улыбалась, -
Ничьих ни рук, ни губ не знал,
Его одежда лишь касалась...

Я всю её исцеловал,
Но оставался очень странным,
Как будто статую ласкал
И был каким-то деревянным.
Как будто, выбежав во двор,
Огонь оставил под тулупом...
Гляжу в её лицо в упор
И ей кажусь, наверно, глупым.

Я напугался: что со мной?
Так начиналось это ярко!
А у меня отхлынул зной
И мне совсем уже не жарко,
Во мне ни пыла, ни огня,
Я не могу сказать ни слова.
Арина так и сяк меня
Разгорячить стремится снова.

Опять пустила в ход язык,
Но все: вопрос уже был ясен:
От напряжения я сник,
Что был и девке не опасен.
Мы простояли целый час,
Так моё сердце колотилось,
Но ничего уже у нас
Между собой не получилось.

Потом Арина, щуря глаз,
Меня спросила в утешенье:
- Ты первый раз?
- Да, первый раз.
- Тогда прости за совращенье.
- Ну что ты... Я безмерно рад...
Мне за себя сейчас неловко.
- Не ты, Серёжа, виноват,
А виновата обстановка.

Так что не следует тужить,
От умных женщин я слышала:
У многих это может быть
Да и не раз уже бывало.
Ты ещё парень, не мужик,
Наверно, в том и закорючка.
Прочел ты, знаю, гору книг,
А в этом деле - недоучка...

7.

Арине я не возражал.
Взращённый в духе деревенском,
Ну что я видел?
Что я знал?
Что понимал я в деле женском?
В деревне в сорок пять дворов
Познанья наши начинались.
Среди коров и тракторов
Мы и встречались и общались.

Мильон условностей в селе,
Чуток уменьшить их хотя бы.
Даже купались в Аврале -
Тут - мужики, поодаль - бабы.
В деревне, как тут ни крути,
Сильней общественное мнение.
С девчонкой под руку пройди -
Уже молва неодобренья.

Арине что - она знаток,
Она из северной столицы.
Ну разве я в ту пору мог
С ее познаниями сравниться?
Хотя начитанным я был,
Знал и Золя, и Мопассана,
Из борозды ж не выходил
И не был сельским Доñ Жуаном.

- Ты меня, милый, не суди, -
Шептала мне Арина в ухо, -
Не проституй и не бляди,
Ты знаешь: я - не потаскуха.
Я после мужа никого
И за версту не подпускала.
Тебя лишь только одного
Любя, я, грешница, ласкала.
В тебя, из всех парней села,
Как увидала, так влюбилась.
Пусть неправа я в том была,
Но так уж это получилось.
Я год почти живу любя,
Стараясь быть с тобой серьезной,

И оставалась для тебя
Лишь зерновозчицей колхозной.
Но ты меня не замечал,
Объятый пылкостью любовной,
Ты мелкий бисер рассыпал
Перед Анютой хладнокровной,
Не стану в ваши лезть дела,
Это не каждому приятно.
Ее давно я поняла
И лишь тебе все непонятно.
Она давно тебя дурит,
Ты для нее - игра и шутка.
Тебе ж хозяйка говорит:
«Хитрит, Сергей, с тобой Анютка».
Скажу тебе, дружок, упрек
Известной истиной колючей:
Ты - запасной её игрок,
Как говорят, на всякий случай.

- И я всё вижу наяву,
Что одинок я рядом с нею.
Перетерплю. Переживу.
И хворью к ней переболею.
Она, как рыба, в глубине,
На холодном дне,
С холодной кровью...
Из сердца трудно вырвать мне,
Что называется любовью.

- Вот точно так и я люблю, -
Склонила голову Арина. -
Сергей, я баню истоплю
И приглашу попарить спину.
Соринку сдула с моих губ
И захотела убедиться:
- Придешь?
- Приду. А почему б
После работы не помыться?

- Когда же в баню приходишь,
Знай: я окно раззавешу
И ленту, будто бы сушить,
Как знак, на форточку повешу,
Пойдешь ко мне путём таким,
Чтобы никто не догадался.
Ну, а сейчас пойдём, доспим,
Хотя бы час, что нам остался...

Ночь еле-еле добралась
До мелекесского рассвета.
Анюта нас не дождалась,
Заходим в дом, а ее нету.
Глядим, а у другой стены,

Куда она перебежала
Смотреть предутренние сны, -
Её краснеет одеяло.

Ну что ж, понятен твой ответ
Без лишних слов и разговора.
Да, красный цвет, как красный свет,
У городского светофора.
Я без запрета меру знал,
Имея волю, не неволил.
И я с тобой не позволял,
Что нынче сам с собой позволил...

8.

Анюту, словно прорвало,
И от нее, как по заказу,
Сперва одно письмо пришло,
Потом пришло четыре сразу!
А в письмах так была нежна
И так чувствительно писала,
Дескать, теперь лишь поняла,
Что раньше недопонимала.

И удивлялся я весьма,
Что поменялись мы ролями.
Теперь она по полписьма
Писала в рифму, как стихами.
И приводила всякий раз
Цитаты авторов знакомых
И афоризмы, «как про нас»,
И строки девичьих альбомов.

Я стал ей письма слать давно,
Даже на адрес института,
Но только вот ни на одно
Мне не ответила Анюта.
Что ей мешало отвечать,
Хранить упорное терпенье?
То ль нежелание писать?
То ль с новым другом увлечение?

Я как-то ей сказал тогда:
- Ты почему не отвечаешь? -
Она смеется:
- Ты сюда
Быстрее писем приезжаешь. -
- Но ты же знаешь: для души
Дороже писем нет подарка.
И ты такое напиши,
Чтоб было знойно мне и жарко.

- Ну, знойных слов у меня нет,
Такая уж корреспондентка.
Я не прозаик, не поэт -
Обыкновенная студентка.
Твои вопросы я коплю,
А вот на главный - отвечаю:
Люблю тебя иль не люблю,
Я и сама пока не знаю...

Я обижался. Ревновал.
Ходил на встречи к институту
И там невольно замечал
Среди поклонников Анюту.
Но что я с этим сделать мог?
И чем ответить мог на это?
Ведь я не муж, не царь, не Бог
И наложить не вправе «вето».

В конце-концов-то и она
Не ради временной забавы
В своей сердечности вольна
И выбирать имеет право.
И я прекрасно понимал,
Что письма ПРОСТО не родятся...
Но всё же писем ждал и ждал
И все никак не мог дожждаться.

И вдруг она теперь строчит,
В любом письме страниц немало,
Как будто высказать спешит
О чём так длительно молчала.
Как будто хочет убедить,
Что я ей самый-самый близкий,
Как будто хочет подкупить
«Многотиражной» перепиской.

Я думал, будет ревновать
И осуждать за поведенье,
Или Арину унижать,
Бросая гроздя обвиненья.
Но, надо должное отдать,
Она Арины не касалась.
Знать, обвинять и унижать,
И оскорблять не собиралась.

Как будто прошлый эпизод
Она совсем не замечала.
Как будто в час бурливый тот
Она спала или дремала.
Но я уверен - не спала,
Всё даже слышала прекрасно,
И всё отлично поняла
Под одеялом своим красным.

9.

Я задавал вопрос не раз:
Зачем так женщины гордятся?
Стремимся к ним - не надо нас,
Покинем их, то к нам стремятся.
Порою женщина, греша,
Идёт от счастья к цели ложной...
Вот так, друг:
Женская душа
Была и есть и будет сложной.

Да мы и сами таковы,
Хоть часто женщин осуждаем.
И мы частенько неправы,
И мы им тоже изменяем.
Про оба пола издавна,
С времён библейских говорится,
Что всех нас манит новизна,
Как небо вечно манит птицу...

«Меня замучила тоска», -
Анюта много раз писала,
Но ни одна её строка
Меня уже не обжигала.
Знать, боль, хотя не зажила,
Но, как и ранее, не ныла,
Арина в душу мне вошла
И всё собой заполонила.

Вошла неслышно, неспеша,
И до сих пор во мне осталась.
Ее сиянием душа,
Как солнцем с неба, озарялась.
И я писал, писал о ней,
И от строки строка сверкала.
Таких вулканных слов, как ей,
Даша ещё не извергала.

Беря тетрадку сплошь в стихах,
Она меня благодарила,
И со слезами на глазах
К губам тетрадку подносила.
Я ей писал на свой манер,
Где ни словечка подражания.
Ну вот такие, например,
Души и сердца изливания:

*«Арина, я вижу
Пожар в твоём взоре.
Я верю: меня
Не обманут глаза.
Я знаю, что ты -*

Это бурное море,
Где ветры ревут
И грохочет гроза.
Я знаю: в порывах
Душевного шквала
Ты можешь надолго
Забуть про покой,
Что ты - это гребни
Девятого вала,
Безмерная бездна
Пучины морской.
Я вижу, как щёки
В смятении пылают
В минуты, когда я
Бываю с тобой,
Как будто волна
На волну набегает
И в сердце гудит
Раскаленный прибой.
И в страстном томленье
Берусь за стихи я
И нежные строки
В безумстве пою.
Пускай твоей огненной
Страсти стихия
Охватит и сердце,
И душу мою?
Я этим живу
И об этом тоскую.
И кратер души моей
Лавою полн.
Я дерзко бросаюсь
В пучину морскую,
В объятия твоих
Заколдованных волн.
Кидай меня в бездну,
Бросай в наслажденьи,
Как лёгкую щепку
С волны на волну.
Зачем тишина мне.
Покой и спасенье?
Я счастлив,
Что в чувствах твоих
Утону !»

Я и Аняте без конца
Немало строк писал, бывало,
Но память даже ни словца
Из тех стихов не удержала.
А эти вот в душе ношу
И до сих пор не забываю.
Когда же вслух произношу,
То снова всё переживаю...

- Весь день про баню думал я,
 Хоть без нее мне жарко было.
 Припас носки, пару белья,
 Кусок хозяйственного мыла,
 Когда же вечер наступил,
 Украся окна огоньками,
 Я к бане скрытно заспешил
 Кружной тропинкою, задами.

В оконце бани свет мигал,
 Маня меня к мечтам заветным,
 И я почти что подбежал,
 Чтоб юркнуть в баню незаметно.
 Вот дверь в предбанник отворил
 И дверь тихонько завизжала.
 - Кто здесь? - вполголоса спросил,
 Но тишина не отвечала.

Я пригляделся: вдоль стены,
 В тарелке, около окошка,
 Лежали стопочкой блины
 Из тёртой, видимо, картошки.
 Бутылка мутного сырца
 Полузавёрнута газеткой,
 И два солёных огурца
 Под золотой укропной веткой.

Арина тихо в дверь вошла
 И, словно солнце, просияла,
 И с ходу крепко обняла,
 И три раза поцеловала.
 - Ты уже здесь, мой дорогой?
 Как это дорого и мило.
 А мне пришлось сходить домой,
 Стаканы в спешке позабыла...

И вот я в банный жар нырнул,
 Гремлю и ковшиком и тазом,
 Раз-два из кадок зачерпнул -
 И на себя всё вылил разом.
 Плеснул на каменку чуток,
 Она сердито зашипела,
 И пар всё в бане заволок,
 И тело радостно потело.

Потом поднялся на полок,
 Пригнулся, чтобы отдышаться,
 На доски мокрые прилег
 И начал веником хлестаться.
 Секу, секу себя, секу,
 Бью так и этак многократно.

Устал - и бросить не могу,
И жжёт, и больно, и приятно.

Полок, почти под потолок.
Дышать невмочь. Я вниз спустился
И на полу в одышке лёг,
Словно с дистанции явился.
Наполовину дверь открыл,
Пары в предбанник выпуская,
К порогу сел, не чуя сил,
И свежий воздух ртом хватаю...

- Серёжа, милый, извини, -
Зовет Арина в дверцу глядя, -
Иди на помощь, - расстегни
На лифте пуговицы сзади... -
Мне тяжело ещё дышать,
Но не замедлил я подняться.
И стал Арине помогать
От всяких пут освободиться...

О, я не знал, что раздевать
Это великое блаженство?
И было сладко ощущать
Её святые совершенства.
Скользя рукой по веям местам,
Мы обнялись, воспламенились,
Лицо - к лицу, уста - к устам -
И в тот же миг соединились...

И слышал я сквозь этот зной,
Как сердце сердцу что-то пело...
И пахло веником, золой,
Её дыханием и телом,
Она уткнулась в грудь мою
И простонала:
- Боже, Боже!
Где я? В аду или в раю?
Наверно, там и там, Серёжа...

Идут стремительно века,
Чудес немало на планете,
Но, кроме женщины, пока
Чудесней чуда нет на свете?
Пока она волнует кровь,
Пока владеет нашей страстью,
Она - и радость, и любовь,
И наше счастье и несчастье...

11.

- Закончив банный ритуал,
Мы на скамеечки присели.

И каждый мускул отдыхал,
Звения по-праздничному в теле.
В углу мигал большой фонарь,
Лицо Арины освещая,
И мне казалось, что я - Царь!
Таким богатством обладаю!

Она стаканы налила,
Как чудодейственные чаши,
И славный тост произнесла:
- Серёжа, выпьем за все НАШЕ!
И за любовь, и нашу связь,
Чтоб нас молва не осуждала,
Чтоб никакая в мире грязь,
Как банный лист, к нам не пристала.

Я глаз с Арины не сводил,
Красивой, солнечной, румяной,
И, как в стихах, ей говорил:
- И без вина с тобой я пьяный. -
В стаканы снова я налил,
И вот, молчание наруша, -
Я личный тост провозгласил:
- Пью за твою святую душу!..

- А я, Серёжа - за твою,
За то, что ты красив и молод,
За то, что ты в судьбу мою
Вошёл, как в герб державный, - молот.
- Ух, ты! Куда я залетел!
А хочешь, малость согрублю я? -
И я про серп и молот спел
Сквозь смех частушку озорную...

Ну, а Арина на сей счёт
Не улыбалась, не смеялась,
Скорей всего, наоборот,
Она чего-то напугалась.
- Серёжа, милый, дам совет
И ты послушайся совета:
Остра частушка, спору нет,
Но ты забудь частушку эту...
Отца в десятый день войны,
Когда на фронте отступали,
За слово - сукины сыны -
Арестовали и сослали.
Сказал кому-то, как на грех,
Об отступлении сожалел:
«Зато летаем выше всех
И дальше всех и всех быстрее».
Не зря безмолвствует народ,
Боясь во сне проговориться...
Дубков давно-о тебя пасёт,

Чтобы к чему-то прицепиться.
Так что давай держи язык,
Как говорится, за зубами,
Иначе этот большевик
Сожрёт в два счёта с потрохами...

Вдруг крик раздался за стеной
И шумно стало вокруг бани.
- Ой, что такое, Боже мой! -
И кто-то в дверь забарабанил.
Под громкий топот каблуков
Раскрылась дверь - и на пороге,
Как победитель, встал Дубков
И широко расставил ноги.

- А-а! Вот вы пьянствуете где?
Уже избы-то стало мало?..
- А где прикажешь пить? В ма...де?
Арина грубо отвечала. -
Что лезешь в дело не свое
И мне устраиваешь сцены?
По Конституции, - моё
Жилище неприкосновенно?
Стыд и позор - явился сам
Стеречь и честь мою и тело.
Кому хочу, тому и дам -
И не твоё собачье дело!
Зачем куда не надо лезть?
В чужую дверь чужого дома?..
Садись. В бутылке ещё есть,
Нальём, как гостю из райкома.

Мы даже с мест не поднялись,
Дубков же злился, суетился,
Глазищи кровью налились
И он ко мне поворотился,
Сапог постучал о сапог
И протянул не без подвоха:
- А ты, как вижу я, дружок,
К вдове пристроился неплохо.
Вот и хочу спросить тебя:
Светить не стыдно ли глазами?
- А вы спросите у себя -
И на вопрос ответьте сами.
Но коль спросил меня Дубков,
То напрямую и скажу я:
Стыднее в скважину замков
В постель подглядывать чужую...

12.

- Уполномоченный Дубков,
Чье имя было всем знакомо,

В селе средь баб и стариков
Был надзирателем райкома.
Крестьян - колхозных крепостных -
Держал Дубков в двойной неволе.
А на работу - и больных
Он гнал на ферму или в поле.
Сорокалетний солдафон,
Прикрытый бронью тыловою,
В селе свои задачи он
Всегда решал любой ценою,
Жил без семьи и без жены,
Хоть и не был в разводе с ними,
Вдали от фронта, и войны
Он воевал с людьми простыми.

А на весенней посевной
Газетам что ли подражая,
Он называл весну - войной,
Войной за хлеб и урожай.
Уж тут он спуска не давал
Ни старику и ни старухе:
Все были в поле - стар и мал,
Хоть опухали с голодухи.

А в дни подписки на заём
Он так свирепо распалялся, -
Готов любого съест живьем,
Лишь бы побольше подписался.
Он скрупулёзно вёл учёт
Доходов женщин и старушек.
Знал всех коров наперечёт,
Овец и коз и кур-несушек.

А срок уплаты наступал
Под рёв сплошной и бабьи слезы.
Он по полдня не отпускал
Баб из правления колхоза.
Он их морально убивал,
Не глож от горького их плача,
И выбивал и добывал
Уплату займа ... без отдачи.

Однажды делал он обход,
С собою взявши депутата,
И собирал за прошлый год
Все недоимки-недоплаты.
А в списках в несколько страниц
Все должники, как на ладошке:
Кто должен несколько яиц,
Кто - граммы шерсти и картошки.

Трещал на улице мороз,
Пришли они к моей сеструхе,

А у неё - ни, кур, ни коз,
Лишь дети пухнут с голодухи.
И вот в нетопленной избе
Раздался громкий бас Дубкова:
- Пришли мы с описью к тебе,
Анна Петровна Соловьёва,
Вот - три яичка за тобой
И шерсти тридцать граммов ровно.
Должок-то мизерный такой.
Возьми взаймы. Сосед любой
Тебя и выручит, Петровна.

Сестра смеется:
- Хоть сейчас
Займу яички для уплаты.
Два, например, Дубков, - у вас,
Одно - у дедушки Игната.

- Да неужель не стыдно вам, -
Дубков от шутки не сдаётся, -
Неужто шерсти тридцать, грамм
У вас, Петровна, не найдётся?

Сеструха юбку подняла
И на Дубкова закричала:
- Стриги, начальник, догола!
Вся шерсть лишь тут,
Да жаль, что мало...

13.

- Вот этот самый кровосос,
Этот надсмотрщик райкома
Меня и вызвал на допрос
После вчерашнего погрома.
В глаза презрительно взглянул,
Окликнул дедушку Игната,
Ему и мне кивнул на стул,
Глаза прищуря хитровато.
- Ну-с, как живёшь?
- Как все живу.
Тут никакого нет секрета.
Всё на виду.
Все наяву.
Хлеб не ворую,
Денег нету...

- Что наяву и на виду, -
На это нет и возраженья.
Об этом речь и поведу:
Тут на тебя есть заявленье...
Но я о нём скажу потом,
Терять не буду время даром.

Поговорим давай о том, -
О твоей бане с лёгким паром.
Как это ты попал туда,
Куда вдова пришла помывться?
Ведь это - дело для суда,
А там, брат, не отговориться.
Неблаговидные дела
Во цвете лет ты делать начал.
Ведь ты же чуть не полсела
По своей дурости взбулгачил?

- Вы, извините, неправы,
Что мне такой вопрос задали.
А как попали в баню вы?
Ведь вас туда не приглашали.
Из-за чего горит сыр-бор?
Не мне, а вам должно быть стыдно,
Ворвались в баню, словно вор...
Для вас всё это несолидно.

- Мне поступил вчера сигнал -
И это - главная причина,
Что кто-то в баню забежал,
Чтоб изнасиловать, Арину.
Я сразу меры предпринял,
Поднял людей в одно мгновение,
И вот народ тебя застал
Почти на месте преступленья.

- Но я закон не преступал,
Да и закона, знаю, нету,
Чтоб встречу с бабой запрещал.
Такого в мире нет запрета!
Ведь был вам дан вчера ответ
На все наветы и нападки:
И изнасилованья нет,
И между нами все в порядке.

- Ты комсомолец?
- Пока нет.
- Боишься?
- Мне чего страшиться,
Коль большевик под сорок лет
Ходить по бабам не боится.
- А назови, кто он таков?
Ты знаешь этого урода?
- Да всем известный Рэн Дубков,
Кто не даёт Арине ходу...

- Ну ты давай не партизань,
Не клевети и не нервируй.
И мою совесть не погань,
И имя не дискредитируй?

За это тоже есть статья,
О чём ты знаешь преотлично.
- Дискредитирую не я.
Вы это делаете лично.
Вся необузданность - у вас,
Вы напролом к Арине прётё
И вас колхозницы не раз
Видали, как вы пристаёте.
Уполномочил вас райком:
Помочь крестьянам и рабочим.
А вот трясти чужим бельём, -
На это кто уполномочил?

- Мне право партия дала,
На страже нашей быть морали.
- А ваши личные дела
Эту мораль и замарали.
И довод мой весьма простой:
Я не стыжусь за встречи эти.
Я - молодой. Я - холостой,
А ведь у вас - жена и дети.
Нет, я на вас не клевету
И ваш упрёк довольно странный...

- Тебе я это не прощу.
В тюрьме сгною, стервец поганый!

- Ну про тюрьму да про суму
Нам всем бы помнить не мешало.
А посадить меня в тюрьму -
Пока что нету криминала.

- Нет, есть, дружок, и криминал,
И тебе это не игрушка,
Не ты ли в бане распевал
Антисоветскую частушку?
Ишь ты, гляди, какой герой!
Решил и блудить и иудить?
Не дам хулить советский строй
И власть советскую паскудить!
Слышь, дед Игнат? - старик вскочил,
Мы с дедом рядышком сидели. -
Вчера со мной у бани был?
- Бы... был...
- О чём там песню пели?

- Ась? - поперхнулся дед Игнат,
Ладощку к уху приставляя. -
Я... я, родимый, глуховат.
Я часто слов не разбираю...

Дед к двери медленно шагнул
И повторил:

- Нет, я не слышал. -
Мне незаметно подмигнул
И ко двору, на воздух, вышел.
Завидя баб и стариков,
Что стадо выгнали коровье,
В окошко выглянул Дубков
И кликнул бабушку Прасковью:

- Прасковья! Ну-ка подойди! -
И подошла к нему старушка. -
Вчера ты слышала, поди,
Какую пел Сергей частушку?
- Зачем мы это знать должны?
Мы вас у бани проклинали,
И прямо к матери в штаны
И чуть подальше посылали...

- Ну, ничего, - Дубков сказал, -
Тебе, Сергей, не будет сладко.
Вот заявленье. Я писал!
Оно потянет - на десятку.

- А как же совесть, ум и честь?
Иль вам не дорого всё это?
- Всё у меня, что надо, - есть!
А у тебя, что надо, - нету!..

14.

Как будто вымер Краснояр:
Днём люди в говор не вступали,
И только ночью мал и стар
Всё о Сергее рассуждали.
- Арестовали? Но тогда
Зачем открыто не судили?
И без народного суда
На долгий срок приговорили?

- Частушка ль этому виной?
Вся суть в её ли криминале?
Ведь и про Сталина порой
Частушки тоже припевали.
Пусть припевали втихаря,
Но только в матушке-России
Народ про каждого царя
Творил частушки озорные.

Хоть царь Романов Николай,
Хоть Ленин-Сталин - безразлично.
Раз Правда - ложь?
То всех сажай.
Тогда вся Русь аполитична!
О чем Арине спел Сергей,
То те слова ещё терпимы.

А вот в частушках про вождей
Слова бьют в лоб неотразимо:

*Джугашвили, Джугашвили,
Ты родился на беду.
Почему не придушили
Тебя, зверя, на роду?*

*Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
Хлеба много не давай,
Мясо не показывай.*

Да, хлеб вывозят до зерна
И нелегко в селе живется,
Коль за работу ни хрена
На трудодень не выдаётся...
И каждый знал: любая власть
Не даст ни счастья, ни свободы.
Любая власть умеет красть
И обьегоривать народы...

И знали люди издавна,
И убедились в этом снова:
Не клевета властям страшна,
Не ложь, не вздор,
А - Правды слово!
Ну что Сергея обвинять?
Спел неприлично? Ну и что же?
Зачем на зеркало пенять,
Если крива с рожденья рожа?

Да, тон частушки грубоват
И вульгаризмы не для песен,
Но в той припевке даже мат
Правдив. И точен. И уместен.
Тут компромат - совсем не мат
И не за грубость наказание.
Тут русский мат не виноват,
А виновато содержание.

На содержание - и запрет,
Давно любому это ясно.
Когда в припевке мата нет,
Она не менее опасна:

*Вся Расея, вся Расея,
Обносилаь догола.
Стоит барышня в музее
В чём мамаша родила.*

И что напрасно говорить -
В народе тьма таких припевок.

Выходит, надо всех судить?
И мужиков, и баб, и девок?
Не зря и крутят власти ус,
Давая людям только крохи...
В частушке бьётся жизни пульс,
Она - барометр эпохи.
Не зря её поёт народ,
Она всегда неотразима,
Частушка, как и анекдот,
Без проводов распространяема.
Ее тюрьмой не запретить,
Хотя на слово есть управа.
Поэта можно осудить,
Певца за песню посадить,
Но как с певцом-народом быть?
Ведь не посадишь всю державу?

15.

Арина рано спать легла,
Но глаз от горя не смыкала.
Вторые сутки не спала
И все Дубкова проклинала.
Сгубил Сергея только он,
Из-за него все дело вышло.
Ну, а закон, - он испокон,
Как говорит народ, - что дышло.

Арина видела давно,
Что ей Дубков расставил сети.
Он был уверен: всё равно
Она застрянет в сети эти.
Сергей его опередил,
Был и моложе, и умнее.
Вот потому и устранил
Дубков соперника - Сергея.

Молчит притихшая изба.
Как в ней тоскливо, одиноко!
О, ты, нелегкая судьба!
О, горе, как же ты глубоко!
Дрожит берёзка у окна,
Дрожит рябинка рядом с нею.
А где-то, там, гремит война,
А где-то, там, ещё больнее.

А где-то, там, в глухих краях,
На Соловках или на Чукотке,
Отец в советских лагерях
Дошёл на шахтах до чахотки.
За слово он попал туда,
А Слово - Библии основа.
Вначале было Слово - да,
Потом - тюрьма за это слово...

А где-то в камере сейчас
Не спит, наверно, и Серёжа...
«Зачем, злодей, разбил ты нас?
О, помоги ты ему, Боже!
Сил и терпенья ему дай,
Чтоб перенёс он все невзгоды.
Ну, а мучителям - воздай
За море слёз и кровь народа»...

И вдруг в окно раздался стук.
Арина вздрогнула: кто это?
Но повторился снова звук
И ожидал в ответ ответа.
Она зажгла копилки свет,
Сквозь штору глянула в окошко.
«То ли военный, то ли нет...
С мешком заплечным...
Вдруг - Серёжка?..

О, Боже милостливый мой!
Суд, значит, всё же разобрался?
А ты, Серёжа, не домой,
А в мои окна постучался...»
И от волнения дрожат
У неё руки и колени.
Накинув байковый халат,
Арина выскочила в сени.

- Кого так поздно Бог послал? -
Она взволнованно сказала.
- Арина... - голос задрожал
И она голос не узнала.
Назад попятилась чуть-чуть
И за порог вернулась снова.
А сердце так стучится в грудь,
Что прямо выскочить готово.

Освободившись от крючков,
Дверь, скрипнув, сразу замолчала,
И на пороге встал... Дубков...
- Ой, ой! - Арина закричала. -
Ой, ради Бога, уходи-и!
Зачем пришёл ты, на ночь глядя?
И не позорь и не стыди
Перед народом, Христа ради!..

- Да не кричи. Не надо слез.
Я шёл с намереньем хорошим.
Я вот паёк тебе принёс. -
И на сундук поставил ношу. -
Я - из Ульяновска, а там
На партактиве в спецбуфете
Под Первомай продали нам
Продукты праздничные эти.

Тут есть мука и есть пшено,
И макароны, и консервы,
И даже красное вино... -
И у Арины сдали нервы.
- А ты ответь-ка на вопрос
Да говори лишь правду-матку:
Зачем всё это мне принёс?
За что даёшь такую взятку?

Есть и ещё один вопрос,
Который тоже ждёт ответа:
А почему ты не занёс
Татьяне Сёминой всё это?
У неё - пятеро детей,
Шестой недавно родился.
Так твой паек, наверно, ей
Куда бы лучше пригодился.

Была бы рада детвора,
Пшено сгодилось бы ребёнку.
К тому же ей позавчера
Прислали с фронта «похоронку»...
А мне зачем? Ведь я - одна.
Одной и надобно- немножко.
Я без консервов и пшена
Переживу и на картошке.

Иль лучше б этот свой паек
Ты отдал матери Сергея,
Кого в тюрьму ты упек,
Как ненавистного злодея.
Ведь ты же их осиротил
И опозорил парню имя.
Сергей в семье кормильцем был,
Теперь же мать - одна - с троими.

- Я не Господь, чтоб накормить
Народ единственной горбушкой,
А о Серёжке брось тужить.
Теперь пусть ТАМ поёт частушки.
Давая волю языку,
Он сам себе просил ареста.
Антисоветчику- врагу
Тюрьма - надежнейшее место.

- Зачем его ты загубил
И растоптал в такие годы?
«Врагом народа» окрестил?
А ты, выходит, - «друг народа»?
Кому, скажи, ты из села
Не растерзал души на части?..
Да-а, власть любая тяжела,
Но ты тяжеле всякой власти.

Народ тебя не возлюбил
За то, что ты несправедливый.
Забрался к бабам в сельский тыл -
И лазишь к ним;
Что кот блудливый...

- А твой Сережка - кто? Не кот?
Не выпускал он разве когти?
- О, не-ет! Серёжа - самый тот,
Чьего не стоишь ты и ногтя.
Ты вон в плечах, как в стаде, бык,
Загривок лезет через китель.
Ты думал, нужен мне мужик,
Такой, как ты, производитель?
Я сердцем думаю пока
Да и душою не калека,
Не-ет, надо мне не мужика,
А человека! Че-ло-ве-ка!
Но ты от этого далёк,
Я и доказывать не буду...
А ну бери свой вещмешок -
И улепётывай отсюда!
Кому сказала - уходи!
Иль сообщить в райком об этом?..
Так что себе не навреди,
Коль дорожишь своим билетом..:

Дубков опешил.
- Да постой.
Что горячишься без причины?
Поговори чуток со мной
И меня выслушай, Арина.
Я по ночам совсем не сплю,
Ни сна не знаю, ни покоя.
Люблю тебя я... Так люблю,
Что не могу владеть собою.
Ты мне, как солнышко, нужна,
Чтоб моё сердце отогрелось...

- Видать, законная жена
Не согревает и приелась?
Куда же денешь сыновей?
Иль и они не греют сердце?
Раз нет тепла в семье своей, -
В чужой семье не отогреться.
Так что не надо - про любовь.
Не оскверняй святого слова.
В тебе взбесилась просто кровь
И ноет похоть жеребцова.
Ты самолюбием задет,
Гордыня мучает сознание,
Что я, бабенка,
В двадцать лет,
Твоей персоне - ноль вниманья...

Дубков хотел ее обнять,
Арина резко отстранилась.
Пытался руку в руку взять.
- Не лезь! - Арина возмутилась. -
Не подходи! - сказала зло, -
Иначе волосы взлохмачу,
Крик подниму на всё село
И полсела, как ты, взбулгачу.

Она схватила вещмешок,
Ногой избную дверь открыла,
И первомайский спецпаёк
Брезгливо наземь положила.
- Теперь - иди!
Ну, что ты встал?
Я жду, когда избу покинешь...
У всех Сергея ты отнял,
Но чувств к Сергею -
Не отнимешь!..

16.

- Я тебе много рассказал,
Но лишь дошел до середины.
Я гору книг перечитал,
Как говорила мне Арина,
Читал, как наш Ильич страдал,
Как год его в тюрьме держали,
Как там читал он и писал,
Как ему книги доставляли,

Как мог он в камере иметь
Запас продуктов максимальный -
Чай и всяческую снедь,
Вплоть до водички минеральной.
Он все возможное имел,
Борясь с царём и царским строем...
Ну, словом, он
В тюрьме с и д е л ,
А не работал под конвоем.

Ты, Женька, в книгах весь кругом.
Немало есть воспоминаний.
Подай вон этот второй том,
Я задержу твое внимание.
Сурова царская пора
Была к Ульянову, бывало.
Вот чего старшая сестра
Анна Ильинична писала:

«Свидания разрешались по два раза в неделю.., Передачи пищи принимались три раза в неделю, книги - два раза... Книги разрешались к пропуску довольно широко, без больших изъятий, разрешались даже ежемесячные журналы и недельные. Таким образом, отрыва от жизни - одной из самых тяжёлых сторон одиночного заключения - не было... Мне приходилось таскать ему целые кипы книг, которыми был завален один угол его камеры... Доставка книг от прокурора происходила без всякой задержки... Молоко он получал в тюрьме ежедневно.»
/»Жизнь Ленина», т.2, стр.86-88/

Свиданья. Книги. Молоко...
И все на уровне законном.
Да-а, приходилось нелегко
Тогда марксистам заключенным.
И трудно разумом постичь
Порядки жизни подъяремной...
А вот о чём сестре Ильич
Писал из камеры тюремной:

«Получил вчера припасы от тебя, и как раз перед тобой еще кто-то принёс мне всяких снедей, так что у меня собираются всякие запасы: чаем, например, с успехом мог бы открыть торговлю, но думаю, что не разрешили бы, потому что при конкуренции с здешней лавочкой победа осталась бы несомненно за мной... Всё необходимое у меня теперь имеется, и даже сверх необходимого... Здоровье вполне удовлетворительно. Свою минеральную воду я получаю и здесь. Мне приносят ее из аптеки в тот же день, как я закажу. Сплю я часов по девять в сутки»...
/»Жизнь Ленина», т.2, стр.293-296/

Прочтёшь о давней той поре -
И даже верится едва ли.
И это было при царе,
Кого «кровавым» называли!
Кого в Ипатьевском дворе
Большевики и расстреляли,
Вместе с женою и детьми,
С больным царевичем-ребенком...
Да они не были людьми,
Власть захватившие, подонки!

В тюрьме батумской в те года
Был и Иосиф Джугашвили.
Но даже морду никогда
Ему тюремщики не били.
Ни за кружки, что он создал,
Ни за листовки подрывные,
И ни за то, что выступал
Против монархии в России.

Что там тюремный царский срок
В сравнении с нашим -
Лепет детский!
Побыл бы Сталин с месяцок
В застенке сталинско-советском.
Да походил бы на допрос -

Тюрьма бы адом показалась.
Да и у Сталина 6 волос,
Сколько у Ленина, осталось.

Допрос страшнее, чем ГУЛАГ.
Там истязают человека.
Там каждый эпер свой кулак
Тренировал на скулах ээка.
Там любят грязно оскорблять:
Ты - и фашист, ты - и продажный,
И - политическая блядь...
И мат гремит семизатный.

Я эту школу проходил,
Где уму-разуму учили.
И кто меня только ни бил!
И чем меня только ни били!
Ни в чем я не был виноват,
Попав в тюремные хоромы,
В частушке был в три буквы мат,
А обвинений - на три тома.

Кто с политической статьей,
Тех сверхсурово содержали.
Их за тюремною стеной
Тройной китайскою стеной
От всего мира ограждали,
Я без суда был осуждён
Тремя чинушами чумными:
И переписки был лишён,
И передач, и встреч с родными.

А дальше - тюрьмы, лагеря,
Советской каторги страницы...
Ну да об этом без меня
Сказал писатель Солженицын.
Теперь любой может прочесть,
Как за колючку КаЗЭКстана
И Соловков, и Магадана
Прорвалась радостная весть
О смерти главного тирана.

Вот нынче много говорят
И с колокольни своей судят,
Что сорок с лишним лет назад
Вождя оплакивали люди.
Возможно, кто-то был в слезах
Да в горькой траурной печали.
И мы рыдали в лагерях,
Но мы от радости рыдали.

Я ликовал, торжествовал,
Хоть был больной

И харкал кровью.
Ведь у меня злодей отнял
Любовь и юность, и здоровье,
Родную мать, родной порог,
И сапожищами своими
Он растоптал, словно плевок,
И мою честь, и моё имя.

Я уже выше говорил
Об одиночном заключеньи,
Как арестантом Ленин был,
И как писал том сочиненья.
В тех тюрьмах был режим НЕ НАШ...
Я побыл в НАШЕЙ одиночке...
Нашли со спичку карандаш, -
То так мне дал тюремный страж,
Что до сих пор ношу бандаж
Да и живу с одною почкой...

Но было тяжелей всего,
В краю, под самым Сахалином,
Не зная-не ведая ничего:
Жива ль Арина? Что с Ариной?
Одна она или не одна?
В селе или где на новом месте?
Не стала ли жертвою она
Дубковской наглости и мести?

А мстить умел этот шакал,
Тут у него хватало рвенья.
За десять лет я испытал
Его коварство в заточеньи.
Ему Арина много раз
На домогательства, бывало,
Хоть грубо, но не в бровь, а в глаз
Свое презренье выражала...

17.

- Её искал я сорок лет!
Писал в газеты и журналы
И был надеждою согрет,
Хотя надежды было мало.
Груды бумаги исписал,
Но никакого результата.
Ни разу так и не попал
Я на её координаты.

Примерно полгода назад
Гостил у брата я в Самаре,
И от души был очень рад,
Что оказался на базаре.
Брожу, толкаюсь взад-вперёд

И направляюсь в путь обратный.
И вот у самых у ворот
Столкнулся с женщиной приятной.

Я на неё гляжу, гляжу:
«Она иль нет?».
Я замер даже,
Ну просто взгляда, не свожу,
Куда она - и я туда же.
Она заметила мой взор.
- Вы что так смотрите, мужчина? -
И я спросил ее в упор:
- Вы, извините, не Арина?..

Стою пред нею сам не свой,
Мурашки бегают по коже.
Она как вскрикнет:
- Боже мой!
Да неужели - ты, Серёжа?..
Ах, Боже мой!..
О, милый друг!.. -
Арина, всхлипнув, причитала,
И на виду, кто был вокруг,
Она меня расцеловала.

В слезах в мою уткнулась грудь,
Дрожали узенькие плечи...
- Пойдём, присядем где-нибудь. -
И всё вздыхала: - Вот так встречал -
И всё качала головой,
И всё печалилась Арина:
- Ой, что наделали с тобой!
В тебе осталась - половина...

Мы сели в парке на скамью,
Над нами солнышко сияло,
И мне историю свою
Арина вкратце рассказала...

- Когда фургон тебя увёз,
Когда в селе тебя не стало,
То померзел мне весь колхоз,
Всё, всё во мне протестовало.
Во мне зажглась такая страсть
И так душа моя бурлила, -
Я ненавидела ВСЮ власть,
Что произвол в стране творила.

Я ненавидела райком,
Его посланцев разной масти,
Что обросли уже жирком
И были выше всякой власти.
Когда райкомское дерьмо

Торчит в селе, то людям хуже.
Тогда колхозное ярмо
Ещё затягивалось ту же.

Ты ж видел, что творил Дубков,
Таких, как он, было немало.
Из-за подобных дураков
Страна скудела и нишала.
Дубков был недругом моим
И зло к нему огнём кипело.
Я даже воздухом одним
Дышать с Дубковым не хотела.

И жить в деревне не могла,
Терпенья не было и силы...
Однажды с фермы я пришла,
Сложила вещи в два узла,
Дом на замчишко заперла —
И на попутке укатила.

На Безымянке в этот год
Завод огромный начинали.
И вот на авиазавод
Меня в ту пору и приняли...
Там появились и друзья,
И там, хоть долго не хотела,
Вторично замуж вышла я,
Но и вторично... овдовела.

Судьба решает всё без нас.
Прошло, Сергей, ещё полгода,
Я вышла замуж в третий раз
За парня с этого ж завода.
Но не везёт, так не везёт:
Судьба ко мне была сурова.
Жила я с третьим только год,
И вот - вдовой осталась снова.

Сложилась сборная семья,
Такая вот, Серёжа, штука:
Двух дочек вырастила я,
Растут две внучки и два внука.
Ну, а тебя жалела я,
Не забывала помолиться.
А фотография твоя
И до сих пор ещё хранится...
А как твои дела, Сергей?
Как ты живёшь с семьёй своею?

- Что, что, а вот семьи своей
И не имел, и не имею...
Все годы я тебя искал
Не только в нашем Краснояре:

По всей стране запросы слал,
А ты вот под боком - в Самаре.

И я почти что твой сосед, -
Рукой подать, ведь я же, кстати,
Наверно, двадцать с гаком лет
Живу безвылазно в Тольятти.
Живу, как прежде, одинок.
На ВАЗе мне квартиру дали.
И сам кого-то не завлек,
Да и меня не завлекали...

Мы не обласканы судьбой,
И я, Арина, предлагаю:
Что будет, если мы с тобой
Свою судьбу переиграем?
Квартиру детям передашь,
Нам и одной с избытком хватит.
Возьмешь с собой ручной багаж -
И, хоть сейчас, - ко мне, в Тольятти.

- Сережа, я благодарю,
Что ты не прочь соединиться,
Но откровенно говорю,
Что не смогу на то решиться.
Мне было замужем светло,
Мужья меня боготворили.
Но только всем им не везло -
Они так рано уходили.

Да, первого - война взяла,
Погиб от пули неминучей.
Болезнь - второго унесла,
А с третьим - был несчастный случай.
Пережила я столько бед
И лишь поэтому, наверно,
За эти двадцать-тридцать лет
Невольно стала суеверной.

На мне какая-то печаль
Со дня рожденья роковая.
Я, обречённая страдать,
Другим страдания причиняю.
Вдруг и с тобой, Сергей, беда,
Как и с мужьями, приключится?..
Вот потому я никогда
И не решусь объединиться.

Зачем вдоветь в четвертый раз?..
И так я трижды одинока.
Пусть роковой коварный час
Не наступает раньше срока.
Будь для меня всегда живым,

Живой целительною чашей,
Воспоминаньем золотым
И сказкой молодости нашей...

18.

- Ну вот - и всё.
Иль все почти.
Пора уже и закругляться.
По вехам прошлого пути
Пришлось немного прогуляться.
Я очень мало говорил
О злключеньях в заключеньи.
Я их не меньше пережил
На воле, после возвращенья.

Когда вернулся я домой,
И у родного встал жилища,
То прослезился:
- Боже мой!
Стою, как будто на кладбище.
И мамы нет,
И братьев нет,
И дом пустой казался мёртвым...
Все с голодухи на тот свет
Ушли ещё в сорок четвёртом...

Сошлись ко мне и стар, и мал
И руки жали, и вздыхали.
И каждый что-то сообщал,
О чём мне знать не разрешали.

- Слыхал, Сергей? - сказал сосед,
Теперь полегче положенье.
Уже пять лет Дубкова нет,
Пошёл, стервец, на повншенье.
Ух как старался этот бес,
И полз, и лез, как в щёлку мыши.
И в областной Совет пролез.
Чем гаже гад,
Тем ставят выше!..

- И там он жмет, как и у нас,
И там такой же своенравный.
Он, бают, ведает сейчас
Делами церкви православной...
Мы хоть вздохнули без него,
Житья нам не было, бывало...
- Довёл Арину до того,
Что из деревни убежала.
С тех пор прошло немало лет,
А что мы знаем об Арине?
И где она? Жива иль нет?
Никто не знает и поныне...

Три дня я жил в селе родном,
По горло занят был делами.
За полцены продал свой дом
И распрощался с земляками.
Решил уехать в Мелекесс,
Пытался где-то зацепиться,
Но нет, нигде рабочих мест -
Ни подступиться, ни пробиться.

Куда ни ткнусь - отказ в ответ.
В отделах кадров - объявленья:
«Приёма нет», «вакансий нет»,
Ну хоть иди на преступление.
Надежды нету никакой,
Мои запасы убывали.
А с политической статьёй
И кочегарами не брали.

Но, к счастью, в грузчики попал,
Работал на мелькомбинате,
И нагружал и разгружал,
Спал в частном доме на полатах.
Потом ещё мне повезло -
Сдал в институт, на двухгодичный.
Учился яростно и зло.
Заочно. И к тому ж - отлично.

А сдал экзамен - всё равно
Я стал с учительским дипломом
Ходить не столько в гороно,
Сколько по всяческим парткомам.
И в гороно бывал не раз
И делал несколько попыток.
Сказали: «В городе сейчас
Учителей - переизбыток».

Пошёл тогда я в районо
И там буквально окрыляют:
- В селе историков давно
Во многих школах не хватает.
Так что считайте, вас берём.
- Ну так берите же, берите.
- Нет, со вторым секретарем
В райкоме переговорите...

А тот мне нагло врёт в ответ:
- Вы, к сожаленью, опоздали.
У нас уже вакансий нет,
Мы школы укомплектовали. -
И улыбается, наглец,
На всех щеках горит румянец,
А я подумал: «Ох, стерве-ец,
Ты далеко пойдёшь, засранец!»..

И раньше я партворонье
В душе ругал до неприличья
За лицемерье и враньё,
За пустословье и двуличье.
Хоть можно б их и не ругать,
Была над ними тоже сила.
Ведь сверху их учили лгать –
Родная партия учила.

Да и правители Москвы,
Какие только там ни были,
От самой первой головы
Народу лгали и темнили.
А тех, кто в бывшем СССР
Им очень рьяно возражали,
Как Солженицын, например,
Тех и без Сталина сажали.

Всегда вольготно жить властям,
Этим "блюстителем морали"
Они лишь заповеди к нам,
Рабочим людям, предъявляли.
А сами крали из казны
Наши народные червонцы.
А сами были блядуны
И алкаши, и многоженцы...

19.

И вот мы с другом той порой,
Почти голодные, как волки,
Перебрались на Волгострой,
В тогдашний Ставрополь на Волге.
Мы не ходили ни в горком
И ни в райком. Пошли к рабочим.
Друг вскоре стал крановщиком,
А я - рабочим-пилоточем.

Не так я крепок был в костях,
Трудясь в системе Волготреста,
Но город - на своих плечах
Я перенес в другое место.
Работал летом и зимой,
Гордясь успехами своими.
И жаль, что русский город мой
Совсем чужое носит имя.

Вот там и втюрился тогда
Я в нормировщицу Алину,
Что даже именем всегда
Напоминала мне Арину.
Я даже свадьбу намечал
И всё почти готово было,

Да ладно случай помешал –
Она другого полюбила...

Мне было очень нелегко
Переживать свою кручину,
Хоть понимал, что далеко
Этой Алине до Арины...
Опять к Арине всё светлось,
И здесь она со мною рядом.
Наверно, Женька, я насквозь
Её пропитан ароматом.

А вот совсем-совсем на днях,
В прекрасный солнечный денёчек,
Я у Арины был в гостях,
В кругу её чудесных дочек.
Арина много, много лет
Всё о судьбе отца справлялась,
Но не давал никто ответ –
Глухой столица оставалась.

И вот приходит, наконец, -
Ответ печатями заверен, -
Где сообщалось, что отец
Необоснованно расстрелян...
И - всё. И подпись в два крючка.
Предельно коротко и сухо.
Как будто речь - про червячка
Или про муху-цокотуху.

Арина грустною была,
Стол для поминок накрывала.
Потом в стаканы налила
И с дрожью в голосе сказала:
- Нет и сочувствия в ответ,
Ни даже соболезнованья.
«В руке не дрогнул пистолет» –
И - никакого покаянья.

Отец, мир праху твоему.
Тебя не пули погубили,
А уголовник-вождь, кому
Хвалу и славу возносили.
Клянусь: пока я на земле,
То не простят и твои внуки
Убийце, что сидел в Кремле,
И обрекал народ на муки.

Уже терпенья больше нет
Глядеть как левые госдумцы
Несут по улицам портрет
Того усатого безумца.
Да будь он проклят зверь-тиран

И тот, кто встал с его портретом,
Это уж если не баран,
То всё равно дурак ответый!..

Я ей сказал:
- Большевики
И в лагерях с приветом были.
Их ни Сибирь, ни Соловки
От фанатизма не лечили.
Идея их - болезнь ума,
Пустые, путанные фразы.
Она, всё то же, что чума,
Такая ж страшная зараза.

Их можно встретить и сейчас
На красных митингах в Тольятти.
Но дуболомы и у вас,
Наверно, есть в Димитровграде?
Они по-прежнему сулят
Коммунистические сласти.
Они опять рулить хотят
И оголтело рвутся к власти...

- Уж ты, Серёжа, извини, -
Меня Арина перебила. -
Пусть об утопии они
Скулят, как власть всегда скулила.
Пусть будут съезды созывать,
Пусть платят взносы по-привычке,
Но руль им снова доверять -
Никак нельзя,
Как детям - спички!..

20.

- Вот так мы, Женька, и живем:
Всем вечно горько, а не сладко. .
Как говорится, хлеб жуём -
И тот частенько всухомятку.
Вся жизнь осталась за спиной
И всё уж нами пережито.
А что мы видели с тобой,
Кроме невзгод и дефицита?

В очередях прошла вся жизнь,
А нам и ныне не в новинку
Услышать миф про коммунизм -
Эту истертую пластинку.
Весь мир живет без лжеидей,
Без марксов-энгельсов и прочих,
И без догматиков-вождей,
До диалектики охочих.

Ну ты ответь мне на вопрос:
Отколь у нас и хлеб, и фрукты?
Страна иная - с гулькин нос,
А поставляет нам продукты!
И огурцы, и вермишель,
И сыр, и масло, и сметана –
Всё из-за тридевять земель,
Всё из-за моря-окияна.

Да, чёрт возьми в конце-концов,
Живём почти на подаяньи.
Мы что - российских огурцов
Произвести не в состояньи?
У нас капуста не растёт?
Или не климат для редиса?
Так почему же тащим в рот
Томат и перец из Туниса?

А это только потому,
Что от Москвы и до окраин
Народ буквально ничему
У нас, в России, не хозяин.
Народ наивно гимны пел:
«Владеть землёй имеем право»...
Но лишь мозолями владел,
Кормя чиновничью ораву.

Вот мы с тобой на грани лет,
А что мы нажили? Две фиги!
Вон у тебя - велосипед,
Ну да еще на полках - книги.
И всё твоё богатство тут.
Ведь нам оплачивали, Женька,
За городской и сельский труд,
Как говорят, хрен да маленько.

Такая матушка-страна –
И всё властями воровалось,
Где заработать - ни хрена
Сверх потолка не позволялось.
А не давала людям, друг,
По-человечьи жить все годы
Верхушка бывшая, что вдруг
Стала “жалельщицей” народа.

Она стемна и дотемна
Трубит о бедствии народа,
Как будто это не она
Его и мучила в те годы.
Как будто это не она
Страну тогда и огрябляла.
Не по её ль вине казна
За все кордоны уплывала?

- Все это правильно, Сергей,
Но в дополнение к тому же –
Скажи о власти наших дней:
Иль хороша она, иль хуже?

- Я однозначный дам ответ;
Как это всякий понимает:
Хорошей власти в мире нет.
Хорошей власти не бывает.
Есть власть, что может и рулить,
И к человеку путь находит,
И не мешает людям жить,
Коль они что-то производят.

И по рукам людей не бьёт,
Ведёт политику умело.
Тогда дела творит народ,
Когда он видит пользу дела.
Ну, а пока что наша власть
Народ не очень понимает.
Трясёт не тех, кто любит красть,
А тех, - кто кормит-одевает...

21.

... Стремглав часы бесед прошли.
Весь день мы вместе с другом были.
Не один тост произнесли
И от души поговорили.
Мы сведены опять судьбой,
Чтоб узы наши стали туже.
Прекрасно, если друг с тобой,
Единомышленник к тому же!

Прощаясь, друг меня обнял,
Сказавши вместо «до свиданья»:
- Налей себе и мне бокал,
Я тост предложу на прощанье.
Прошли года не без следа,
Так выпьем, друг, за что не пили:
Чтоб КРАСНО-БАИ никогда
Россией больше не рулили!
Я буду сотни раз опять
Слова Арины повторять,
И речь закончу тостом этим:
Нельзя им в руки Русь давать,
Как психам - нож,
Как спички – детям!..

- Сергей, а я секрет скажу,
Хоть вроде нету и секрета,
Что про тебя я напишу,
И про Арину напишу.
Про вас поэму напишу!..

И - вот она, -
Поэма эта!

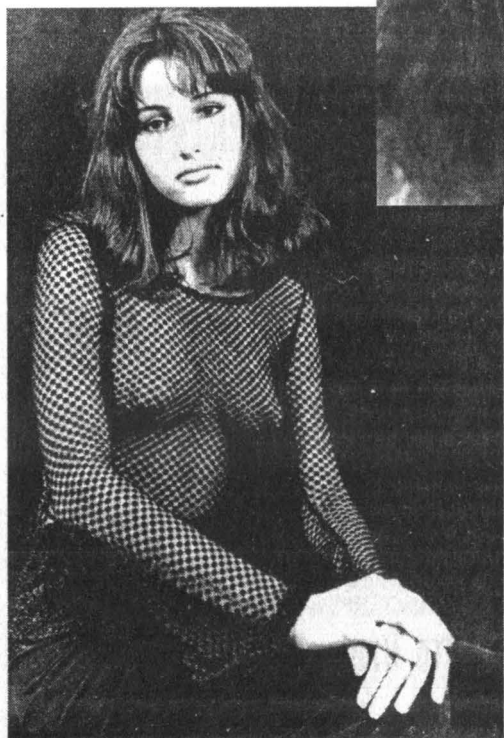

Сегодня на страницах нашего журнала мы представляем новые работы димитровградского фотохудожника Владимира Пчелинцева, натрами у которого были современные димитровградки...

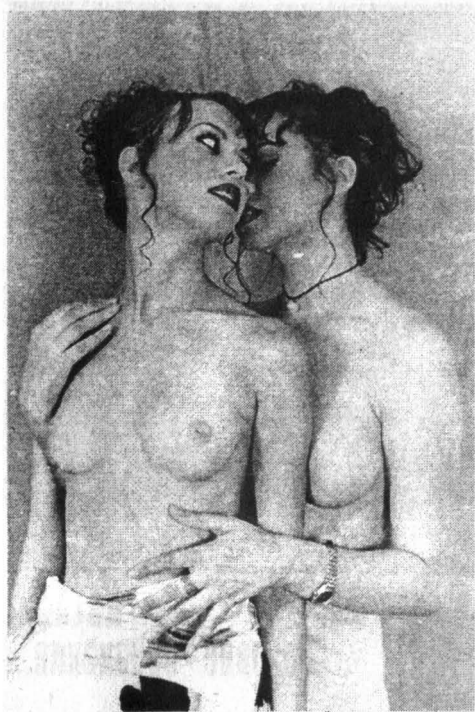

Это Оля.

**Даша -
профессиональная
фотомодел. Она уже
прославляла наш город
в специальных
агентствах и на
конкурсах в Париже...**

А это будущие фото- и
топмодели. За работой
Катя, Света...

...и Татьяна

Натали.
Розовое признание...

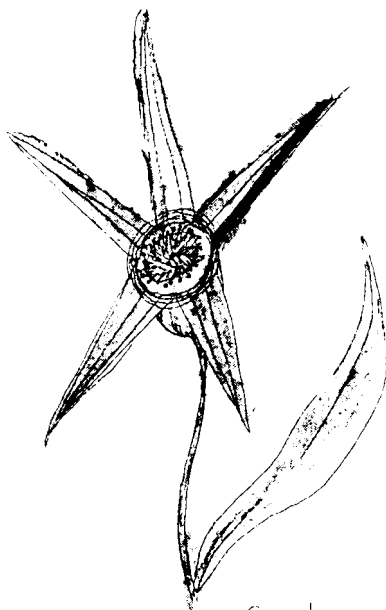

Ирина:
«Только без рук!»

В создании этого номера журнала принимали участие
спонсоры димитровградской литературы.

С Новым годом, друзья!

**САМЫЕ ДОБРОКАЧЕСТВЕННЫЕ ПРОДУКТЫ И
ТОВАРЫ, ПО САМЫМ ДОСТУПНЫМ ЦЕНАМ ВАМ
ПРЕДЛАГАЮТ МАГАЗИНЫ ФИРМЫ «КОРМИЛЕЦЪ»**

**НЕ ТОЛЬКО НА РОЖДЕСТВО, НО И КРУГЛОСУТОЧНО
ВАС ЖДУТ В ЛУЧШЕМ КАФЕ ДИМИТРОВГРАДА, ГДЕ ВАМ
ПРЕДЛОЖАТ САМЫЕ ИЗЫСКАННЫЕ БЛЮДА ИЗ САМЫХ
НАТУРАЛЬНЫХ ПРОДУКТОВ И НАПИТКИ!**

ЭТО - «МОНАРХ», «МОНАРХ», «МОНАРХ»!